А86
103655

Арт-Рой
СВ 1812 году.

Омская Городская
ПУШКИНСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
Хр кат. № 10873
Отдѣлъ «Б»
№ «А861»

ОВАЯ БИБЛІОТЕКА
О Казачьяго войска.
I
рядку 974.
атическій 17.

Хронологическій № 46.

19.

Ab 6u

omg. 11u

6 хр.
А 861

ВЪ 1812 ГОДУ

А-86
в 1812 г.

(Racheté)

ПОВѢСТЬ

АРТЪ-РОЙЕ

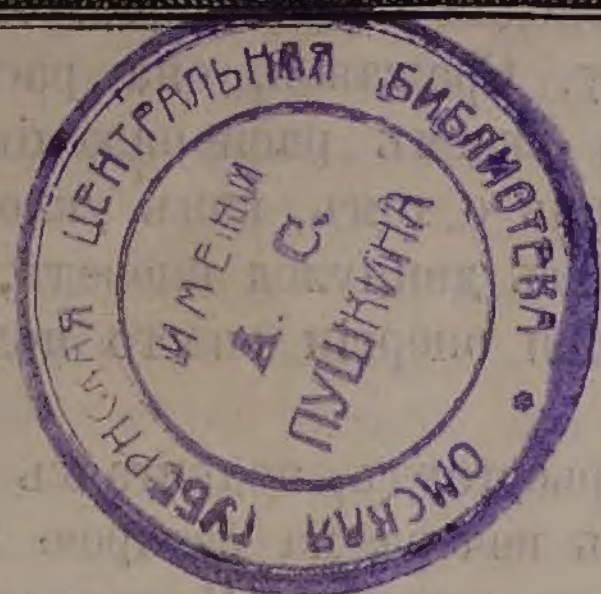
(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО)

Инв. 103655.

Приложеніе къ журналу «Историческій Вѣстникъ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1896

103922



А. 861

I.

НѢПРЪ и Двина, параллельные другъ другу въ своихъ верховьяхъ, затѣмъ расходятся въ разныя стороны: первый отъ Орши направляется къ югу, а вторая, за Витебскомъ, сворачиваетъ къ сѣверу. Такимъ образомъ, обѣ рѣки образуютъ на русской равнинѣ широкія ворота, преграждаемыя лишь теченіемъ Березины. Черезъ эти-то ворота и долженъ былъ ускользнуть изъ Россіи Наполеонъ, это-то препятствіе и предстояло ему одолѣть въ ноябрѣ 1812 года. Еще не зная всей крайности своего положенія, онъ покинулъ Смоленскъ и двигался на западъ. Между тѣмъ, Витгенштейнъ, стоявшій впереди его праваго фланга, могъ спуститься и отрѣзать ему отступленіе; арьергардъ же его собственныхъ колоннъ былъ тревожимъ развѣдчиками Кутузова. Наконецъ, Чичаговъ, часовой безъ приказаній и тщетно требовавшій лозунга, охранялъ великія стратегическія ворота. Ключемъ къ нимъ былъ Минскъ, и Чичаговъ обладалъ имъ. Стиснутые въ этомъ трехугольникѣ обломки великой арміи казались на краю неизбѣжной гибели.

При самомъ выступленіи изъ Смоленска преслѣдованіе Кутузова стало ощутительнѣе. Пришлось остановиться, стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ и дать отпоръ: это заняло три дня подъ Краснымъ. Наполеонъ шелъ во главѣ своихъ войскъ по лѣвому берегу Днѣпра; 15-го числа онъ встрѣтилъ два корпуса Милорадовича и проложилъ

себѣ дорогу черезъ русскіе ряды. Остановившись вечеромъ у Краснаго, чтобы выждать остальныя части своей арміи, онъ пустилъ въ дѣло ночью молодую гвардію и очистилъ прилегающую мѣстность; но Милорадовичъ возвратился, занялъ дорогу и развернулъ свои силы противъ принца Евгенія. На слѣдующій день послѣдній выступилъ съ 6,000 человѣкъ, но ему не удалось прорваться, и, ускользнувъ влѣво, онъ достигъ соединенія съ Наполеономъ. Наконецъ, 17-го появился Даву; молодая гвардія, построившись въ виду его, двинулась ему навстрѣчу. Сражаясь, она расчистила дорогу для него. Сосредоточивъ въ своемъ распоряженіи три корпуса, Наполеонъ помышлялъ лишь о томъ, какъ уклониться отъ битвы и продолжать свой путь. Онъ двинулся впередъ, предоставивъ арьергардъ подъ командою Нея энергіи своего полководца или состраданію русскихъ.

18-го числа этотъ арьергардъ, подвигаясь среди тумана, наткнулся около пяти часовъ вечера на батарею изъ сорока орудій и остановился подъ дождемъ картечъ. Милорадовичъ тотчасъ увѣдомилъ маршала, что онъ ждетъ капитуляціи; на его сторонѣ были 80,000 человѣкъ, выгодная позиція и увѣренность въ побѣдѣ. Ней ничего не отвѣтилъ и скомандовалъ атаку. Но двинутая имъ вторая дивизія, смятая и отбитая, отступила въ разстройствѣ, и онъ былъ вынужденъ развернуть первую дивизію. Послѣдняя была разбита также, какъ и первая, но продержалась однако до ночи.

Наступившій мракъ прервалъ сраженіе; отступали къ Смоленску. Маршалъ молча ѣхалъ во главѣ своего штаба. Когда вышли изъ сферы русскаго огня, онъ свернулъ влѣво и направился черезъ поля.

Его свита была большая, такъ какъ много кавалерійскихъ офицеровъ, оставшись безъ команды вслѣдствіе полнаго исчезновенія ихъ частей, были причислены къ его штабу. Всѣ ѣхали тихо: одни развертывали у себя на колѣняхъ карты и разсматривали ихъ при мерцаніи маленькихъ фонариковъ, вынутыхъ изъ кобуръ; другіе подкрѣплялись скромною провизіею, третьи разговаривали. Лошадиныя копыта глухо стучали по дорогѣ, сабли звякали о стремена; вдали раздавались тяжелые шаги пѣхоты, шумъ орудій.

Прошла недѣля, какъ поручикъ гусарскаго полка Верди числился въ составѣ этого штаба. Прекрасный наѣздникъ, выносливый, смѣлый, привѣтливый, веселый, онъ быстро пріобрѣлъ довѣріе своего новаго начальника, генерала Гурэ. Теперь онъ ѣхалъ рядомъ съ нимъ, стремя о стремя; они разговаривали:

— Можно подумать, что мы сейчасъ бросимся въ воду...

— Чортъ возьми! Другого исхода не видно...

— Кто знаетъ? Быть можетъ, маршалъ задумалъ что нибудь.

Ней, услышавъ ихъ разговоръ, полуобернулся къ нимъ:

— Что?—спросилъ онъ своимъ спокойнымъ голосомъ:—вы находите, что наше положеніе не важно?

— Мы попросту старались отгадать, маршалъ, что вы намѣрены предпринять,—отвѣчалъ Верди.

— Чортъ возьми!—перейти Днѣпръ!

— Дѣло въ томъ... что мы не видимъ дороги.

— Найдемъ ее.

— Но если Днѣпръ не замерзъ?

— Замерзнетъ.

Принятое рѣшеніе побуждало его отдать приказанія, и маршалъ скомандовалъ: «стой!», но чтобы избѣжать сумятицы, которую произвела бы въ его эскортѣ неожиданная остановка, онъ проѣхалъ еще нѣсколько шаговъ и сошелъ съ лошади. Онъ потребовалъ свою карту, развернулъ ее на снѣгѣ, легъ пластомъ на животъ и сталъ на свободѣ ее разсматривать. Одна ужъ простота его позы придала бодрости его офицерамъ. Стоя позади, они ожидали его рѣшенія, а затѣмъ разсѣялись во мракѣ ночи съ его приказаніями.

Прежде всего расположились бивуакомъ, чтобы дождаться появленія луны; потомъ добрались до Днѣпра, покрытаго очень тонкимъ льдомъ, но все-таки допускавшаго переходъ, на что и были употреблены послѣдніе часы ночи. На берегу были оставлены артиллерія, фуры, раненые; цѣпь изъ штыковъ сдерживала отсталыхъ до тѣхъ поръ, пока всѣ боевыя силы не очутились на другомъ берегу. Увидя передъ собой казацкіе аванпосты, французы взяли влѣво и тихо прошли мимо лагеря Платова. Въ этомъ лагерѣ всѣ спали, исключая атамана, и никто не осмѣлился ни разбудить, ни замѣстить его, такъ что тамъ не пробили тревоги. Только послѣ полудня донскіе наѣздники облѣпили фланги французскаго отряда, и съ этого времени отступленіе совершалось среди непрерывнаго боя.

Дѣло казалось конченнымъ, и непріятель устраненъ, какъ вдругъ высокій хребетъ, къ которому шли французы, освѣтился пушечными выстрѣлами, налѣво, въ лѣсу, послышался топотъ кавалеріи. Позиція Платова стоила той, которую занималъ Милорадовичъ сутки тому назадъ; мѣсто для новой рѣзни было прекрасно выбрано. Ней видѣлъ, что его войска были утомлены и предавались отчаянію; но, не давая имъ времени окончательно потерять голову, онъ двинулъ въ лѣсъ свою первую дивизію, подъ командой генерала д'Энэна, а самъ, съ другою половиною своихъ силъ, спустился въ оврагъ и пошелъ прямо на непріятеля. Ядра, плохо направленныя при меркнущемъ свѣтѣ дня, проносились со свистомъ надъ головами атаковавшихъ и, ударившись вдали о мерзлую землю, катились по ней. Вдругъ водворилось молчаніе, и стрѣлки ничего не встрѣтили передъ собой. Легкія орудія казаковъ умчались на саняхъ, служившихъ имъ лафетами.

Снова пошли на западъ. Никто не разговаривалъ; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами; падали на каждомъ шагу, и сумерки усиливали всеобщее уныніе. Нѣсколько разъ Ней, круто остановившись,

спрашивалъ: «Не слышно ли д'Энэна?» — Всѣ прислушивались, но ничего не было слышно, и снова шли машинально за тѣмъ, который одинъ отвѣчалъ за все.

— Верди здѣсь?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Точно такъ, маршалъ.

— Разузнайте-ка, что дѣлаетъ позади генералъ д'Энэнъ. Передайте ему приказъ соединиться со мною во что бы то ни стало.

— Слушаю, маршалъ.

Обрадованный лестнымъ порученіемъ, гусаръ не думалъ объ его трудности и, повернувъ измученную лошадь, промолвилъ:

— Гопъ, Консулъ, гопъ!

Спустя нѣсколько минутъ, онъ уже былъ одинъ среди снѣжной пустыни, такъ какъ дивизія уже исчезла за деревьями, покрытыми инеемъ.

— Начало недурно!—съ недовольствомъ подумалъ офицеръ.

Остановившись на гребнѣ возвышенности, онъ оглянулся во всѣ стороны; вдали, на правомъ флангѣ, послышался глухой гулъ: артиллерійскіе залпы слѣдовали одинъ за другимъ черезъ большіе промежутки времени.

— Платовъ стрѣляетъ: д'Энэнъ не покончилъ съ нимъ...

Руководясь пальбой, онъ пересѣкъ оврагъ, мѣсто послѣдняго сраженія; тамъ валялись трупы, ружья, кивера, разные обломки. Сильный вѣтеръ гналъ прямо въ глаза ѣдкую ледяную пыль; на западѣ—стушевывались послѣдніе проблески заката, и вскорѣ уже только снѣгъ менѣе мрачный, чѣмъ небо, слабо свѣтилъ въ общей темнотѣ; однако мало-по-малу къ отдаленнымъ вспышкамъ пушечныхъ выстрѣловъ начали присоединяться постоянные огоньки по всѣмъ направленіямъ и въ различныхъ разстояніяхъ. Въ какомъ мѣстѣ этой обширной темноты находился французскій отрядъ? Двигаться впередъ было единственнымъ отвѣтомъ, который офицеръ могъ дать себѣ, и онъ углубился въ лѣсъ, какъ вдругъ угрожающій шумъ неожиданно остановилъ его. Въ ту же минуту при свѣтѣ новаго залпа онъ увидѣлъ подвижную, сплошную массу головъ, пикъ, папахъ. Но это мимолетное видѣніе такъ быстро исчезло во мракѣ, что Верди не успѣлъ различить, въ какомъ направленіи двигались казаки. Онъ ощупью раскрылъ кобуру и досталъ свой пистолетъ, но шумъ замеръ, опасность отдалилась.

Лошадь гусара теперь тихо подвигалась, спотыкаясь на каждомъ шагу. Верди машинально сдерживалъ ее, устремивъ глаза въ темноту. Почва незамѣтно понижалась, но Консулъ съ трудомъ переводилъ дыханіе, какъ бы поднимаясь въ гору.

— Что это ты дышишь такъ тяжело? — спросилъ офицеръ и отвѣтилъ себѣ тѣмъ же разсѣяннымъ тономъ:—онъ хочетъ пить...

Однако, онъ соскочилъ на землю и пошелъ рядомъ съ лошадью, дружески положивъ ей руку на загривокъ и стряхивая льдинки съ

мундштука. Онъ думалъ о голодѣ, который переносило животное, о постоянной жаждѣ, томившей его, благодаря морозамъ, и о жалкихъ дачахъ соломы, снимаемой ежедневно съ крышъ домовъ во время краткихъ приваловъ.

Среди этихъ размышленій онъ увидалъ неожиданную картину сквозь сѣтку вѣтвей, сверкавшихъ розоватымъ инеемъ. Это былъ пылающій костеръ.

Возлѣ него, на снѣгу, виднѣлось черное пятно; сначала оно представлялось чѣмъ-то большимъ, какой-то глыбой или древеснымъ стволомъ, а затѣмъ превратилось въ человѣческое тѣло, присѣвшее на корточкахъ, съежившееся, съ низко свѣсившейся головою.

— Эй, другъ, ты мертвый?

Не получая отвѣта, Верди подошелъ поближе и убѣдился, что передъ нимъ покойникъ.

«Вотъ его ружье: это, значитъ, не отсталый. Его щеки еще тепловаты... Д'Энэнъ не можетъ быть далеко отсюда».

Все вокругъ указывало, что здѣсь побывалъ значительный отрядъ. Слѣды ногъ, удалявшіеся отъ костра, намѣчали тропинку, которая вела къ цѣли, къ арміи, къ спасенію.

— Въ дорогу, Консулъ! — воскликнулъ Верди и весело занесъ ногу въ стремя, желая вскочить въ сѣдло, но лошадь согнулась подъ нимъ, словно хотѣла лечь на лѣвый бокъ.—Что съ тобой?—прибавилъ онъ, встревоженный, гладя ее и повертывая къ костру.

Видъ лошади былъ странный: подобравъ подъ себя переднія ноги, она упиралась на заднія, точно подыскивая подходящую позу и находя удовольствіе въ сохраненіи этого труднаго равновѣсія. Верди старательно осмотрѣлъ ее, ощупывая ея холодныя уши, поднялъ вѣки, падавшія на ея потускнѣвшіе глаза, прислушался къ ея дыханію. Вдругъ всѣ признаки слились въ одну ужасную увѣренность: онъ понялъ, что его лошадь околѣвала.

«Что дѣлать... я спасусь одинъ», — рѣшилъ онъ, но невольно содрогнулся, такъ какъ для кавалериста, несущаго аванпостную службу, ужасно лишиться неожиданно коня, быстротой котораго онъ пользуется, чтобы пренебрегать препятствіями или избѣжать опасности.

Затѣмъ, выпрямившись, поднявъ голову, окинувъ пустынную мѣстность своими смѣлымъ взглядомъ, бросавшимъ вызовъ страху, онъ прибавилъ:

«Если я утрачу храбрость,—я обреченъ на смерть».

И онъ взглянулъ на мертвеца, сидѣвшаго въ такой странной позѣ передъ костромъ; словно замерзнувъ, онъ отогрѣвался у огня и, лишившись жизни, притворялся спящимъ.

Однако Консулъ ослабѣвалъ все больше и больше; его расширенныя, вывернутыя ноздри застыли въ мертвенной неподвижности; губы раскрылись, челюсти были сведены судорогой, языкъ вытя-

нулся и повисъ. Верди быстро раскрылъ кобуру и сумку, положилъ на землю свои пистолеты, бутылку вина, пакетикъ съ чаемъ, ложку, патронташъ, два свертка золотыхъ монетъ, портретъ-миніатюру, затѣмъ бумагу, карандаши, бритву, однимъ словомъ всѣ мелкія принадлежности, необходимыя для туалета и писанія. Лошадь опустила свою шею, какъ будто собираясь утолить жажду, и грохнулась на землю лѣвымъ бокомъ. Ея одеревенѣлыя ноги обнаружили четыре блестящія подковы, а стеклянный блескъ ея глазъ свидѣтельствовалъ о томъ, что насталъ ея конецъ. И вокругъ этого человѣка, предоставленнаго своей собственной судьбѣ, воцарилось безмолвіе пустыни, зимы, ночи, смерти.

II.

Онъ опустился на колѣни, чтобы разобрать вещи, лежавшія на землѣ; спряталъ деньги и пули за поясъ, взялъ бутылку подмышку и, приколовъ портретъ къ подкладкѣ своего ментика, промолвилъ нѣжнымъ тономъ ребенка:

— Покойной ночи, мама...

Уже холодъ пощипывалъ ему лобъ, кисти рукъ, подмышки; онъ подошелъ къ Консулу и замѣтилъ съ ужасомъ, что свѣтло-гнѣдая шерсть лошади уже покрылась тонкимъ инеемъ. Это зрѣлище вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о матери пошатнуло его смѣлую рѣшимость.

— Куда идти? что дѣлать? — колебался онъ, сомнѣваясь въ самомъ себѣ и подавленный своимъ одиночествомъ.

Ему оставался одинъ выходъ: немедленно догнать маршала; но какъ это сдѣлать? Уже не было слышно выстрѣловъ, и на горизонтѣ виднѣлись тѣ же неподвижные огни... Самая эта неподвижность обнаруживала мѣстоположеніе лагеря, безспорно непріятельскаго. Съ противоположной же стороны не было видно ничего, кромѣ мрака, безмолвія, пустоты, опасности; ничего, кромѣ неясныхъ слѣдовъ, пересѣченныхъ другими подобными же слѣдами.

Слѣдовало ли идти шагъ за шагомъ по этимъ сбивчивымъ слѣдамъ?

Подобное предпріятіе было трудное, смѣшное... невозможное, въ особенности при небѣ, сплошь покрытомъ облаками.

Верди присѣлъ къ огню, прислонившись спиною къ животу лошади и облокотившись на одну изъ ея ногъ, точно на ручку кресла. Довольный своей позой, онъ хотѣлъ убѣдить себя, что его положеніе не представляло ничего необычайнаго; онъ вспомнилъ о своей кобылѣ Фризэтъ, павшей среди чистаго поля, и о другихъ лошадяхъ, убитыхъ подъ нимъ — «Бозирѣ», «Раважѣ», «Гюронѣ», «Писташѣ», «Сури»... Но ни одна изъ нихъ не стоила «Консула». Такимъ образомъ сожалѣнія сплетались съ воспоминаніями, и сознаніе стало ускользать отъ него. По временамъ онъ слышалъ ше-

лесть вѣтвей, но онъ представлялся ему чѣмъ-то убаюкивающимъ; силуеты деревьевъ превращались въ тѣхъ призраковъ, которые ночь вызываетъ обыкновенно въ умѣ утомленномъ, клонящемся ко сну, и его самосознаніе расплывалось въ невыразимыхъ идеяхъ, о которыхъ онъ самъ не могъ бы сказать, что это: слова, очертанія или звуки?

— Нужно думать объ опредѣленныхъ вещахъ,—наконецъ, внушилъ онъ самому себѣ и, вставъ, подошелъ къ трупу, странному часовому безъ пароля:—Онъ умеръ отъ тепла... Кто знаетъ, принесли его окоченѣвшимъ къ огню товарищи, или онъ самъ неблагоразумно приблизился къ костру?

Усѣвшись снова у огня, онъ старался занять свой умъ: сначала перечисленіемъ въ хронологическомъ порядкѣ французскихъ королей, но, запутавшись въ счетѣ сыновей Людовика Добраго, онъ послалъ ихъ всѣхъ къ чорту и сталъ перебирать мысленно терминологію верховой ѣзды, но это ему также не удалось, и тогда онъ началъ повторять въ своей памяти событія этой ночи, начиная съ восклицанія маршала: «Верди здѣсь?».

— Я сплю... я сплю...—вскрикнулъ онъ съ внезапнымъ испугомъ и вспомнилъ, что лозунгомъ умершаго солдата было: «не приближайся къ огню!».

Рѣшивъ, что онъ отправится искать дровъ очень далеко, шаговъ за двѣсти, онъ похлопалъ руками, потоптался на мѣстѣ, полной грудью вдохнулъ въ себя холодный воздухъ и углубился въ лѣсъ; надломленный усталостью, онъ медленно подвигался и на ходу терялъ сознаніе. Тогда онъ сталъ искать въ глубинѣ своего сознанія болѣе могущественныхъ элементовъ энергіи; вспомнилъ о дѣтствѣ и матери, о молодости и увлеченіяхъ, о служебныхъ успѣхахъ, о награжденіи орденомъ, о предпочтеніи, только что оказанномъ ему маршаломъ. Изъ всѣхъ этихъ радостей прошедшей жизни онъ создавалъ себѣ поводъ для того, чтобы не спать.

Вернувшись съ охапкой хворосту въ рукахъ, онъ увидѣлъ, что останки «Консула» какъ-то странно подпрыгиваютъ, точно вновь одаренные жизнью. Сначала онъ замѣтилъ сгибаніе шеи, затѣмъ движеніе въ бедрахъ: этотъ трупъ, казалось, лягался. Приблизившись, Верди различилъ двухъ животныхъ, собакъ, или волковъ, которые грызли трупъ у гривы и хвоста. Онъ съ громкимъ крикомъ бросился къ нимъ, цѣлясь въ нихъ изъ пистолета. Пригнувшись и съежившись, но не оставляя своей жертвы, эти разъяренныя собаки оскалили зубы. Вдругъ послышался громкій лай, и цѣлая свора такихъ же собакъ высыпала на поляну.

Это были громадныя, косматыя борзыя, слѣдовавшія за арміей: употребленіе человѣческаго мяса сдѣлало ихъ лютыми. Онѣ окружили костеръ; ихъ лай перешелъ въ ярый вой; ихъ глаза блестѣли подобно топазамъ, ихъ хвосты громко ударялись одинъ о другой; онѣ озабоченно перебѣгали съ мѣста на мѣсто, дрались, точно от-

бивая добычу. Но ни одна изъ нихъ не рѣшалась вступить въ область того круга, гдѣ свѣтились пламя костра и взглядъ человѣка.

— Назадъ!—кричалъ Верди во все горло:—вы не тронете моей лошади!

Внимательно слѣдя за всѣми ихъ движеніями, онъ бросалъ на нихъ головешки, наносилъ имъ удары саблею, стрѣлялъ по нимъ изъ пистолета. Опьяненный этой борьбою, согрѣтый отъ напряженія своихъ мускуловъ, онъ радостно сознавалъ свою дѣятельность, свою силу. Нѣкоторые изъ его противниковъ, опаленные огнемъ, раненые, выбитые изъ строя, подняли жалостный вой и ретировались; мало-по-малу и остальные послѣдовали ихъ примѣру, такъ что, наконецъ, всѣ исчезли съ оглушительнымъ лаемъ. И снова поляна, за мгновеніе передъ этимъ наполненная жизнью и борьбою, представилась ему мрачной, безмолвной пустыней, но уже запятнанной кровью; не оставалось болѣе враговъ, кромѣ сна и холода, которые снова овладѣли этимъ человѣкомъ, находившимся между трупомъ солдата и лошадиной падалью, возлѣ погасающаго костра, который могъ задуть малѣйшій порывъ вѣтра. Тогда ни о чемъ не думая и подчиняясь только непобѣдимому инстинкту, удаляющему насъ отъ опасности, онъ пустился бѣжать изъ всѣхъ силъ, отыскивая себѣ спасеніе.

Собаки шли по слѣдамъ арміи: онъ устремился вслѣдъ за ними. Неся свою снятую съ лошади шинель на плечѣ и опираясь на саблю, какъ на трость, онъ быстро двигался. Вскорѣ потъ выступилъ у него на лбу, но онъ чувствовалъ себя успокоеннымъ отъ ходьбы. Доносившійся лай своры руководилъ имъ.

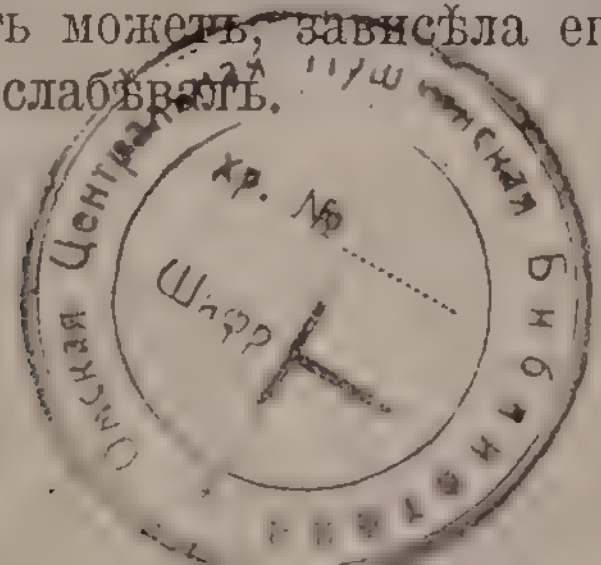
«Можно бы подумать, что я охочусь на оленя въ Фонтенеблосскомъ лѣсу»... проносилось у него въ мысляхъ. Но лай борзыхъ вдругъ прекратился, какъ бываетъ дѣйствительно на охотахъ. Верди остановился, снова поддаваясь тревогѣ.

«Если бы только мнѣ удалось добраться до Днѣпра!.. Но нѣтъ, я иду по волѣ случая».

Эти слова «по волѣ случая» причинили ему невыносимую боль. Но, отогнавъ отъ себя всѣ отчаянныя мысли и съ цѣлью убѣдить себя, что онъ не погибъ совершенно, онъ повернулся и бросилъ взглядъ на блестящую точку, означившую вдали его послѣдній привалъ. Затѣмъ полуоборотомъ, исполненнымъ по всѣмъ правиламъ строеваго устава, онъ снова очутился лицомъ къ лицу съ темнотою и сомнѣніями.

Видны ли на горизонтѣ двѣ темныя массы: да или нѣтъ?

Не зная, дѣйствительно ли его глаза воспринимали подобное впечатлѣніе, или же эти образы сами собою вставали въ его утомленномъ мозгу, онъ сосредоточился на этомъ вопросѣ, отъ котораго, быть можетъ, зависѣла его жизнь, а самъ, между тѣмъ, холодѣлъ и ослабѣвалъ.



«Скверное мѣсто для смерти»... невольно подумалъ онъ и, содрогаясь отъ окружавшей его зловѣщей обстановки, онъ пристально смотрѣлъ на горизонтъ, гдѣ появлялся какой-то свѣтъ, но неизвѣстно откуда: съ неба или земли. Вдругъ тѣни деревьевъ быстро протянулись по снѣгу, тучи, подхваченныя вѣтромъ, разсѣялись, и луна показалась въ зенитѣ своего теченія.

«Здравствуй, старушка: ты выводишь меня изъ затрудненія»,— проговорилъ Верди и, разстегнувъ свой доломанъ, сталъ искать что-то ощупью своими отяжелѣвшими пальцами и, найдя, нажалъ пружинку своихъ часовъ.

Они пробили двѣнадцать. Такимъ образомъ, старушка луна указывала теперь также ясно югъ, какъ солнце въ полдень.

Онъ избралъ путеводной звѣздой ея морщинистое, услужливое лицо и шелъ, сгорая отъ нетерпѣнія скорѣе добраться до рѣки; затѣмъ, найти армію, слѣдуя берегомъ и придерживаясь запада, было уже сущимъ пустякомъ. Но быстро набѣгавшія тучи грозили снова скрыть луну, и онъ ускорилъ свои шаги. Роща, черезъ которую онъ пробѣжалъ опрометью, расцарапала ему лицо, на каждомъ шагу ударая вѣтвями по его холоднымъ и наболѣвшимъ щекамъ. За нею слѣдовала дѣвственная просѣка, затѣмъ еловый лѣсъ, черный, косматый... Вѣтви деревъ часто сплетались между собою, и приходилось съ усиліемъ разъединять ихъ. Вдругъ земля ускользнула у него изъ-подъ ногъ; онъ почувствовалъ, что падаетъ куда-то, въ бездну, и, ударившись, опустился на что-то твердое, хрустнувшее подъ его ногами. Погрузившись въ снѣгъ по самое лицо, онъ старался выбраться, повернуться, податься назадъ, но новый толчекъ заставилъ его опуститься еще ниже: его ноги увязли въ тинѣ.

«Это конецъ»... подумалъ онъ.

И, тщетно ища опоры, онъ погружался все ниже и ниже; чтобы свободнѣе дышать, онъ расширилъ вокругъ себя отверстіе, образовавшееся въ снѣгу при его паденіи. Уйдя по колѣни въ холодную липкую грязь, забивавшуюся въ его сапоги, онъ не могъ пошевельнуться; но руками, остававшимися свободными, онъ размахивалъ вокругъ себя, ни на что не наталкиваясь, и, продолжая свои безумныя усилія, лишь прорубалъ себѣ въ снѣгу вертикальную могилу.

«Ко мнѣ... ко мнѣ!... маршалъ!»...

Онъ кричалъ, и его голосъ терялся въ пространствѣ, лишенномъ эхо. Его взоры, уже отрѣшившись отъ земли и имѣя возможность видѣть лишь маленькій клочекъ неба, были устремлены на вершины двухъ елей, которыя, качаясь, сталкиваясь, раздвигались, обнаруживали позади себя звѣздное пространство.

На этотъ разъ неизбѣжно наступила смерть, часто встрѣчаемая, но постоянно избѣгаемая; мало-по-малу, неторопясь она овладѣвала имъ. Побѣжденный ею, онъ еле держался на ногахъ и готовъ былъ, какъ затравленный олень на охотѣ, молча отдаться своей судьбѣ.

Но вдругъ онъ почувствовалъ, что его силы снова напряглись и вступили въ послѣднюю борьбу за существованіе. Онъ вскочилъ, высвободился, бросился впередъ, проломилъ подъ собою ледъ, выкарабкался, выпрямился. Его голова вынырнула изъ снѣга, онъ снова видѣлъ землю, снова дышалъ, надѣялся.

«Я на замерзшемъ ручьѣ или на болотѣ?.. Нѣтъ, почва понижается... Она поката... Это ручей, и онъ течетъ... къ Днѣпру?.. Да, да, къ Днѣпру!»..

Онъ говорилъ съ собою вслухъ, увѣренный, что такимъ образомъ будетъ разсуждать болѣе здраво. Принявъ, наконецъ, твердое рѣшеніе, онъ сначала бросилъ свою саблю, а затѣмъ скачкомъ подвинулся впередъ, но отъ раздавшагося надъ нимъ треска его сердце сжалось. Лавируя направо и налѣво, онъ ежеминутно былъ вынужденъ избѣгать новыхъ опасностей. Потъ катился по его лицу, холодная вода проникала за шею,за рукава, за платье.

«Быть можетъ, прежде, чѣмъ поборю всѣ препятствія, я уже выбьюсь изъ силъ?»..

Опасенія усиливали его усталость, и онъ впервые почувствовалъ тяжесть пояса, обремененнаго кошелькомъ и патронташемъ: онъ рѣзалъ ему бока, тянулъ его внизъ. Отъ какого металла слѣдовало освободиться, не могло быть никакихъ сомнѣній: въ его положеніи свинецъ былъ драгоцѣннѣе золота... Сердитымъ движеніемъ руки, точно намѣреваясь ударить кого нибудь, онъ схватилъ горсть золотыхъ монетъ и разбросалъ ихъ далеко вокругъ себя, не слыша ни малѣйшаго звука при ихъ паденіи. Затѣмъ, нащупывая ногою свой ледяной путь, онъ продолжалъ пробивать брешь въ снѣжномъ окопѣ. Вдругъ покатость почвы усилилась, намѣченная справа и слѣва двумя спускающимися гребнями; это облегчило ему передвиженіе по скользкому льду, и, работая обѣими руками, онъ могъ теперь безпрерывно подвигаться впередъ. Пройдя одну сажень, онъ уже освободился по поясъ, а затѣмъ, когда оба гребня, составлявшіе углубленіе, разошлись и сгладились, онъ обрисовался при свѣтѣ луны во весь свой ростъ; его тѣнь протянулась на каменистомъ берегѣ.

— Днѣпръ! Днѣпръ! — повторялъ онъ, опьяненный свободою, радуясь возможности двигаться, чувствуя себя легко, забывъ все.

Его безумно блестѣвшіе глаза жадно смотрѣли на горизонтъ, любуясь перламутровою далью. Это былъ, быть можетъ, туманъ, быть можетъ, лѣсъ; въ глубинѣ, еще далѣе, бѣлѣла полная таинственности ночь... Голова у него шла кругомъ отъ счастья, но когда онъ случайно обернулся и увидѣлъ проложенный имъ слѣдъ въ массѣ снѣга, то съ ужасомъ воскликнулъ:

— Спасенъ! спасенъ! — и не противясь болѣе своей усталости, своему волненію, онъ упалъ съ тяжелымъ стономъ.

III.

Протекая по узкой долинѣ, рѣка обнаруживала свое направленіе темной впадиной, виднѣвшейся въ снѣгу на сколько только хваталъ глазъ; вѣтеръ дико завывалъ и обметалъ оба берега, а отъ пасти бездны чувствовался еще другой притокъ ледяного воздуха, выдыхаемаго легкими земли.

— Голова колонны направо! Впередъ, маршъ!—кричалъ Верди, точно командуя кавалерійскимъ отрядомъ и въ то же время самъ исполняя отдаваемую команду.

Передъ нимъ какой-то странный метеоръ освѣщалъ небо. Сначала онъ увидѣлъ какъ бы отблескъ заката; затѣмъ воздухъ содрогнулся, и появилась розовая занавѣсь, трепетавшая отъ вѣтра. Наконецъ, взвились потоки пламени среди облаковъ дыма; блуждающіе побѣги пламени точно крепомъ покрыли небо до самаго зенита, а горящія головни примѣшались къ холоднымъ звѣздамъ.

— Жгутъ деревню,—сказалъ онъ самъ себѣ и, подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ мысли, что армія близка, онъ продолжалъ свой путь гораздо спокойнѣе: — Я доложу о всемъ маршалу... Быть можетъ, онъ дастъ мнѣ лошадь изъ своей конюшни?

Затѣмъ, подумавъ, что на всей конюшнѣ маршала не было ни одной лошади, которая могла бы сравниться съ Консуломъ, онъ сталъ сожалѣть о невознаградимыхъ потеряхъ этой ночи: деньгахъ, запасахъ, саблѣ. Въ особенности ему дорога была сабля, рубившая такъ славно, столь легкая для руки, столь близкая сердцу; ея клинокъ былъ добытъ въ бою, а ножны, подарокъ женщины, долго пользовавшейся его любовью, были украшены двумя переплетенными между собою вензелями. Колеблясь между сожалѣніями и надеждой, возбуждаемый зловѣщимъ свѣтомъ, онъ быстро шелъ къ своему новому маяку—пожару. Но прежде, чѣмъ достигнуть его, онъ наткнулся на обширную поляну съ разбросанными на ней кострами, вокругъ которыхъ двигались силуеты людей. Приблизившись, Верди почувствовалъ сильный запахъ жаренаго мяса, заставившій его ощутить сильный голодъ; онъ остановился, желая поѣсть, но стыдясь просить милостыни.

— Ты кто такой?—спросилъ одинъ изъ отсталыхъ, смотрѣвшій за котелкомъ.

Остальные, стоя позади него, жались другъ къ другу, какъ лошади въ табунѣ; обнявшись, облокотившись другъ на друга, они представляли жалкія, циничныя группы.

— Офицеръ, которому хотѣлось бы поѣсть,—отвѣчалъ Верди.

— Ну, тогда покажи-ка твои денежки,—проговорилъ одинъ изъ нихъ, закутанный въ лошадиную попону.—Здѣсь не угощаютъ никого! Хотя бы это былъ самъ императоръ!..

— О, проклятіе! угощать императора!—прибавила какая-то женщина, которая на колѣняхъ раздувала головешки, и самая отборная брань градомъ посыпалась на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ на могущественнаго властелина.

— Благодарю, прощайте! — быстро проговорилъ Верди, съѣвъ свой кусокъ говядины.—Не усните здѣсь: казаки скоро вернутся...

Когда онъ входилъ въ деревню, пожаръ на другой ея сторонѣ усилился и облегчилъ ему переходъ черезъ нее. Отблескъ огня отражался, колеблясь, въ лужахъ растаявшаго снѣга, а валявшіеся въ нихъ трупы, словно, купались въ собственной крови. Нѣсколько далѣе виднѣлась нагроможденная въ кучу мебель, точно приготовленная для устройства баррикады; какая-то женщина, точно живая, присѣвъ на корточкахъ, а, быть можетъ, дѣйствительно не умершая, держала что-то... своего сгорѣвшаго ребенка. Веселая французская пѣсенка, которую два пьяные охрипшіе голоса солдата и маркитантки громко пѣли, примѣшивала свою мелодію къ треску пламени.

Длинная вереница пѣшеходовъ тянулась по направленію къ горизонту, придавая дорогѣ видъ черной ленты, то пролегавшей по красноватой землѣ, то залитой холоднымъ блескомъ луны. Верди проходилъ черезъ эту толпу, сгорая отъ нетерпѣнія добраться скорѣе до войскъ.

Одинъ изъ пѣшеходовъ, безъ сомнѣнія, возбуждаемый его примѣромъ, упорно слѣдовалъ за нимъ.

— Не будете ли вы такъ любезны,—проговорилъ онъ сдержаннымъ вѣжливымъ тономъ, обнаруживавшимъ хорошее воспитаніе,— позволить мнѣ идти рядомъ съ вами?

— Пожалуйста.

— Вдвоемъ какъ-то лучше идется, — продолжалъ неизвѣстный добродушнымъ тономъ, и впродолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ командовалъ ихъ общій шагъ, считая: «разъ, два... разъ, два».

— Я не пѣхотинецъ, — произнесъ онъ, наконецъ, стыдясь, что шелъ не въ ногу.

Мгновеніе спустя, онъ снова заговорилъ, совѣтуя Верди покрыть голову, чтобы предохранить ее отъ простуды. Но тотъ не слышалъ его: эхо его шаговъ раздавалось у него въ головѣ, какъ въ пустомъ сосудѣ, и, не устоявъ противъ двойного бремени—усталости и холода, онъ впервые погружался въ какой-то странный сонъ, не мѣшавшій ему двигаться и страдать.

Позади нихъ пожаръ потухалъ, побѣжденный зарею, вдвойнѣ отражавшейся на зеркальной равнинѣ; одни лишь угловые столбы сгорѣвшихъ избъ испещряли этотъ нѣжно свѣтившійся горизонтъ черными штрихами. Заря, сначала пурпурно-красная, быстро поблѣднѣла и стала розовой; затѣмъ она угасла въ неопредѣленныхъ тонахъ, и скоро отъ нея не осталось ничего, кромѣ желтоватой завѣсы, блѣднѣвшей все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ лазурь,

разливаясь по небу, прогоняла остатки разсвѣта. Направо виднѣлся Днѣпръ, извиваясь среди сіянія снѣговъ; въ его неподвижной поверхности отражались тополи; вдоль ближайшей части берега струи воды, оставшіяся незамерзшими, обѣгали вокругъ лѣсистаго полуострова; онѣ искрились подъ лучами солнца, пробивавшимися сквозь вѣтви деревьевъ.

— Чудное утро!— проговорилъ неизвѣстный и съ улыбкою посмотрѣлъ на красивое, нѣсколько блѣдное лицо Верди.—Вы кажетесь очень усталымъ. По всей вѣроятности, вамъ лишь нѣсколько дней приходится быть безъ лошади?

— Лишь нѣсколько часовъ... Я потерялъ прекрасную лошадь, и чуть было я самъ не погибъ подъ снѣгомъ...

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—съ живостью прервалъ его спутникъ.—Вы неправы, жалуясь. Вотъ я такъ иду отъ Можайска.

— Отъ Можайска?—задумчиво повторилъ Верди.

Его мысли начинали проясняться; чистый блескъ дня, проникая черезъ глаза въ его мозгъ, мало-по-малу разсѣивалъ нависшія тамъ тучи; но, пытаясь найти среди воспоминаній ближайшаго прошлаго скорбный образъ, носившій наименованіе Можайска, онъ не находилъ его: всѣ событія, предшествовавшія смерти Консула, потерялись въ общей мглѣ прошлаго.

— Да, отъ Можайска... Тридцать дней безъ отдыха. Посмотрите-ка на мои сапоги...

Верди опустилъ глаза, чтобы взглянуть на обувь этого человѣка: одинъ изъ большихъ пальцевъ, голый, синій, выглядывалъ изъ прорвавшейся кожи; а отскочившая подошва поддерживалась лишь носовымъ платкомъ, повязаннымъ на подъемѣ ноги.

— Чортъ возьми! — вырвалось у него, и, поднявъ голову, онъ продолжалъ разсматривать незнакомца,—однако, вы совершенно во власти мороза!

Высокій, плотный, обросшій волосами, офицеръ представлялъ страшное зрѣлище: на немъ были штиблеты, тулупъ и мѣховая шапка; съ боку у него висѣла синяя шашка, украшенная орломъ и двумя перекрещенными пушками; котомка и небольшой кошелекъ, прикрѣпленные къ одному ремню, болтались у него за спиною, а ружья у него не было никакого. Его глаза, налитые кровью, безпрерывно щурились, утомленные видомъ ослѣпительнаго снѣга; глубокій рубецъ отъ раны, точно причиненный сабельнымъ ударомъ, но въ дѣйствительности происходившій отъ холода, разсѣкалъ ему щеку, проходилъ черезъ усъ и исчезалъ лишь во рту; толстыя, но совершенно потрескавшіяся, губы могли улыбаться лишь сдержанной, болѣзненной улыбкой. Не смотря на столько слѣдовъ разрушенія, это блѣдное лицо еще свѣтилось умомъ и силою, а очертанія лба и манера держать голову обнаруживали наслѣдственное благородство и привычку командовать.

— Да, я знаю, я произвожу жалкое впечатлѣніе,—снова заговорилъ незнакомецъ,—я охотно отдалъ бы половину своего состоянія за пару сапогъ. Что касается мороза, то вотъ эту ногу я, было, отморозилъ, но затѣмъ она отошла, и съ тѣхъ поръ я иду, никогда не останавливаясь. Отмороженныя мѣста хватила гангрена, и мнѣ пришлось вырѣзать ихъ своимъ ножемъ.

— Вы сами сдѣлали это?—спросилъ Верди, содрогаясь.

— Чортъ возьми, да... Самое главное, видите ли, заключается въ желаніи жить, а всего опаснѣе предаваться отчаянію. Вотъ почему я такъ грубо прервалъ васъ, когда вы стали сожалѣть о судьбѣ вашей лошади. Послушайтесь меня: бросьте всѣ грустныя мысли, берегите лишь ваши надежды; только онѣ необходимый кусокъ насущнаго хлѣбъ... Знаете ли, о чемъ я вспоминалъ среди всѣхъ своихъ несчастій? О моемъ замкѣ на берегахъ Луары и о чудныхъ вечерахъ, которые я проводилъ тамъ въ семьѣ прошлымъ лѣтомъ. Быть можетъ, вы женаты?

— По счастью, нѣтъ.

— Почему же, по счастью? Было бы лучше, если бы вы были женаты. Вы чувствовали бы себя несравненно болѣе сильнымъ, увѣряю васъ.

— Положимъ. Но развѣ моя несчастная жена не была бы теперь въ высшей степени одинока и измучена безпокойствомъ?

Черты лица незнакомца омрачились; онъ ничего не отвѣтилъ.

— Простите,—проговорилъ Верди съ сожалѣніемъ.

Незнакомецъ протянулъ ему обѣ руки.

— Не мучьте меня,—сказалъ онъ съ выраженіемъ покорной печали.—Я и безъ того довольно страдаю.

Остатки арміи тащились вдали, чернѣя на бѣломъ фонѣ пейзажа. Переднее пятно, непостоянное, то рѣдѣвшее, то густѣвшее, безпрестанно мѣнявшее форму, обозначало штабъ маршала, который, неизмѣнно во главѣ отряда, продолжалъ неустрашимо свой путь. Позади него двѣ дивизіи шли параллельно; это означало, что д'Энэнъ соединился съ маршаломъ. Затѣмъ выбывшіе изъ рядовъ тянулись по бокамъ и, соединившись небольшими группами, тянулись вереницами, подобно туристамъ, пробирающимся по глетчеру. Наконецъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, извивалась человѣческая лента отставшихъ.

Вправо поднялся столбъ снѣжной пыли, и за этой подвижной, блиставшей бѣлизною завѣсой мелькнуло что-то черное, грозное.

— Вотъ казаки съ ихъ санями,—проговорилъ незнакомецъ, остановившись и прищуривъ глаза.

— Насъ сейчасъ захватятъ: надо свернуть съ дороги.

— Это правда... Поворотъ налѣво! Я пойду первый...

— Нѣтъ, нѣтъ... напротивъ, позвольте мнѣ...

Такимъ образомъ каждый изъ нихъ предлагалъ другъ другу про-

102922

ложить тропинку по дѣвственному снѣгу. Между тѣмъ Ней несся галопомъ къ противоположному флангу и старался сплотить свою вторую дивизію, все еще разстроенную.

— Маршалъ, какъ всегда, первый передъ лицомъ опасности,—промолвилъ Верди.

— Я боюсь за него,—отвѣчалъ спутникъ.

— По всей вѣротности, вы близко знаете его?

— Нѣтъ. Но я увѣренъ, что, если онъ умретъ, весь отрядъ погибнетъ.

Поглощенные преслѣдованіемъ казаковъ, они, сами того не замѣчая, подошли къ деревнѣ Якубово: бѣлыя крыши какъ-то сразу представились ихъ взорамъ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, позади небольшого холма.

— Я надѣюсь, что маршалъ воспользуется этимъ мѣстомъ, какъ точкой опоры,—глубокомысленно замѣтилъ гусаръ.

Какъ разъ вторая дивизія заняла эту позицію съ цѣлью отражать летучіе отряды, продолжавшіе тревожить ее. «Сумѣйте умереть здѣсь къ чести Франціи»,—сказалъ Ней д'Энэну.

— Маршалъ долженъ быть слишкомъ занятъ теперь, чтобы выслушать мой докладъ,—произнесъ Верди нерѣшительнымъ тономъ и прибавилъ, точно боясь отвѣта своего спутника:—къ тому же, у меня такой грязный видъ...

Но истинная причина, по которой онъ не рѣшался явиться къ своему начальнику, обусловливалась его оскорбленнымъ самолюбіемъ и жгучимъ сознаніемъ, что онъ не исполнилъ даннаго ему порученія. Войдя въ пустую, но уцѣлѣвшую отъ огня избу, теплую, съ законопаченными щелями, онъ влѣзъ на печку, но неожиданно ядро ударило въ одну изъ стѣнъ. Вся изба затряслась.

— Понялъ,—подумалъ онъ:—это призывъ къ порядку.

Но, разсчитывая тѣмъ лучше служить завтра, чѣмъ болѣе онъ отдохнетъ сегодня, Верди прибавилъ, закрывая глаза:

— Какъ странно... Чѣмъ болѣе жалокъ человѣкъ, тѣмъ менѣе хочется умирать.

Онъ заснулъ, но вскорѣ безмолвіе и полнѣйшая темнота, царившія въ избѣ, разбудили его. Ему представилось, что онъ одинъ, позади войскъ, снова въ числѣ отсталыхъ.

— Который часъ? Гдѣ мы?—спросилъ онъ.

— Не знаю, гдѣ мы,—спокойно отвѣчалъ изъ темноты голосъ его спутника.—Но, который часъ, я знаю: теперь восемь. Я только что слышалъ, какъ говорили на улицѣ, что императоръ не далеко, и что маршалъ употребитъ послѣднее усиліе, чтобы соединиться съ нимъ.

Они встали и пошли сквозь группы солдатъ, которые тѣснились вокругъ костровъ. Въ концѣ деревни проходившая колонна войска задержала ихъ. Затѣмъ прошелъ еще одинъ отрядъ и тоже направился по дорогѣ къ Оршѣ.

103655.

— Послѣдуемъ за ними?—спросилъ Верди.

— Конечно. Намъ нужно держаться къ войскамъ какъ можно ближе.

— Вѣдь здѣсь прошло только два полка.

— Нѣтъ, извините, это были двѣ дивизіи.

— Какъ, дивизіи?.. Отъ дивизій не осталось ничего другого?

Толпа солдатъ, составлявшихъ теперь корпусъ, не прошла и часу времени, какъ вдругъ передъ нею заблистали яркіе огни; трубы и барабаны играли сборъ, и путь къ отступленію снова представился отрѣзаннымъ непріятельскими силами.

— Мы не выберемся отсюда,—проговорилъ Верди равнодушнымъ тономъ, и, не думая болѣе о событіи, котораго онъ не могъ измѣнить, онъ продолжалъ слѣдовать за колонной.

Вдругъ—неожиданное явленіе—она удвоила свой шагъ: ее увлекъ громкій барабанный бой, возвѣщавшій аттаку. Но непріятеля не оказалось.

— Я ничего не понимаю,—замѣтилъ Верди.

— Я тоже; но тѣмъ не менѣе мы подвигаемся.

Они узнали впослѣдствіи, что Платовъ импровизировалъ эти бивачные огни, чтобы французы повѣрили въ присутствіе многочисленной русской пѣхоты, а самъ отступилъ безъ боя. При этомъ странномъ успѣхѣ какой-то избытокъ жизни охватилъ вдругъ отрядъ; повсюду слышались голоса, повторявшіе и обсуждавшіе великую новость.

— Повидимому, мы пришли... Вотъ итальянцы... Принцъ Евгеній на дорогѣ... Онъ идетъ изъ Орши.—Откуда?—Изъ Орши.—Императоръ ожидаетъ насъ... Вотъ что онъ сказалъ, императоръ-то: «у меня въ Тюльери хранятся двѣсти милліоновъ: я бы отдалъ ихъ, чтобы спасти Нея».

Дѣйствительно дивизія IV-го корпуса, выйдя изъ города, выстроилась на дорогѣ и привѣтствовала этихъ пропавшихъ было товарищей. Нѣсколько далѣе лицомъ къ лицу стояли отдѣльно два всадника, а позади нихъ оживленныя группы: принцъ Евгеній обнималъ маршала, офицеры узнавали, поздравляли другъ друга.

Расположились въ предмѣстьи, только что оставленномъ другими войсками; такъ какъ заранѣе не было приготовлено никакихъ помѣщеній, то солдаты безъ всякихъ приказаній разлились по улицамъ, и первый, находившій кровъ, баррикадировался въ немъ. Верди былъ вынужденъ ворваться силою въ одно изъ такихъ убѣжищъ; встрѣченный бранью и угрозами, онъ отвѣтилъ въ томъ же духѣ и затѣмъ въ свою очередь заложилъ дверь. Однако, его спутникъ продолжилъ свои развѣдки до противоположной стороны двора.

— Вы любите молоко?—спросилъ онъ возвращаясь.

— Молоко? да, очень...

— Шш! потише!—и желая сохранить свою находку для нихъ однихъ, онъ осторожно проводилъ его до скотнаго двора. Нащупавъ

въ темнотѣ костлявые бока коровы, они нашли ея вымя и принялись доить ее. Но тщетно трудились они, обливая себѣ пальцы, окропляя молокомъ подстилку: въ концѣ концовъ, въ ихъ котелкѣ оказалось лишь немного сахаристой пѣны.

— Мнѣ кажется, что вы открыли здѣсь одну изъ тощихъ коровъ фараона,—замѣтилъ Верди шутя.

Его спутникъ отвѣтилъ долгимъ, звонкимъ смѣхомъ. Такимъ образомъ, оба они ощутили ту же непобѣдимую потребность шутить, и малѣйшія особенности этого счастливаго вечера способствовали ихъ добродушному настроенію. Однако мысль, что онъ не тамъ, куда призывали его обязанности, и что онъ долженъ явиться къ маршалу, наконецъ пришла на умъ Верди.

— Ба!—отвѣчалъ онъ самому себѣ.—Подождемъ, что скажутъ событія. Спѣшить нечего. Все пойдетъ теперь прекрасно. Императоръ здѣсь.

IV.

На разсвѣтѣ онъ вышелъ, сгорая отъ желанія услышать какую нибудь новость и озабоченный тѣмъ, на что ему рѣшиться. Сначала уличная сутолока ошеломила его, но затѣмъ, увлеченный толпою, онъ очутился на площади.

— Что, здѣсь раздаютъ оружіе?—спросилъ онъ у фурьеровъ, окружавшихъ двери одного изъ зданій.

Не добившись опредѣленнаго отвѣта, онъ усѣлся на тумбу, чтобы собраться съ мыслями. Вокругъ него кишѣли разные солдаты, выбывшіе изъ строя, во всевозможныхъ костюмахъ, говорившіе на разнообразнѣйшихъ языкахъ. Напрасно генералъ Жомини, думая сдержать этотъ сбродъ, разставилъ посты на мостахъ черезъ Днѣпръ; рѣка уже стала, и отсталые могли переходить по льду. Постепенно, человѣкъ за человѣкомъ, вокругъ часоваго, охранявшаго входъ въ магазинъ, собралась безмолвная, угрожающая толпа. Здѣсь же, по близости, повернувшись спинами, стояла кучка испанскихъ солдатъ; послѣдніе были заняты какимъ-то другимъ зрѣлищемъ, вѣроятно, сценой порнографической, такъ какъ моментами раздавались и оглашали воздухъ неистовые женскіе крики, тотчасъ же подавляемые взрывами смѣха. Затѣмъ щелканіе бичей и крупная ругань проложили дорогу сквозь толпу любопытныхъ группѣ артиллеристовъ въ изорванныхъ шинеляхъ, сквозь которыя проглядывали желтые панталоны; они тащили за поводья косматыхъ, грязныхъ лошадей, отправляясь за городъ, чтобы запрячь ихъ тамъ въ орудія, которыя генералъ Латуръ-Мобуръ уступалъ маршалу Нею.

Раздавшіеся звуки флейтъ, трубъ и барабановъ наконецъ покрыли всѣ отдѣльные крики и ропотъ толпы.

— Не войска ли тамъ?—думалъ Верди, нетерпѣливо направляясь въ ту сторону, гдѣ раздавалась музыка. Но небольшой патруль, вы-

шедшій изъ противоположной улицы, затерялся уже среди толпы, и громкая брань, поднявшаяся со всѣхъ сторонъ, заглушала голосъ, пытавшійся прочесть приказъ императора.

— Все то же... подогрѣтое... Давненько уже, какъ императоръ не даетъ намъ болѣе на водку... Если онъ разстрѣляетъ насъ, такъ что же ему-то останется?..

Вслѣдъ затѣмъ произошелъ случай, благодаря которому весь этотъ безобразный безпорядокъ достигъ апогея. Ядро со свистомъ ударилось въ землю, опрокинувъ нѣсколькихъ изъ несчастныхъ солдатъ и перелетѣвъ черезъ головы другихъ; второе, столь же неожиданное, ядро пробило крышу склада. Это стрѣляла русская артиллерія съ противоположнаго берега Днѣпра. Подобная угроза смерти послужила сигналомъ къ грабежу: всѣ бросились къ складу и обезоружили часоваго. Черезъ нѣсколько минутъ они уже выходили на площадь, перепачканные въ мукѣ и пьяные до отвращенія. Адъютанты маршала Даву тщетно старались собрать ихъ въ ряды.

— Солдаты 3-го корпуса, къ вашимъ орламъ!.. А, бездѣльники, вы развѣ не слышите тревоги?

Дѣйствительно, они уже ничего не слышали. Но оттѣсненные напоромъ всадниковъ и уступая грубой силѣ, они медленно поддавались тѣмъ, которые еще говорили объ орлахъ и думали о защитѣ ихъ. Шагъ за шагомъ безсильные начальники слѣдовали за апатичной толпою; они благоразумно сообразовались съ нею, чувствуя, какъ легко эти несчастные могли превратиться въ мятежниковъ.

Хотя въ это мгновеніе ихъ дѣятельность была далеко незавидная, но Верди, все-таки, пожелалъ быть на ихъ мѣстѣ. Онъ подошелъ къ одному изъ нихъ, выбритому, въ мундирѣ, въ перчаткахъ, и вѣжливо освѣдомился у него о «маршалѣ Неѣ».

— Развѣ вы принимаете меня за одного изъ его жокеевъ,—отвѣчалъ офицеръ и отвернулся съ вызывающимъ смѣхомъ.

Что означала эта шутка? Хотѣлъ ли этотъ щеголь протестовать противъ предположенія, что онъ состоитъ подъ начальствомъ маршала. Или же, сверхъ того, онъ издѣвался надъ всѣмъ штабомъ, надъ всѣми войсками 3-го корпуса?

— «Жокей... я хотѣлъ бы быть имъ...»,—подумалъ Верди, удаляясь.

Выходя изъ города, онъ наткнулся на кучу повозокъ, остановившихся у подножія холма; однѣ изъ нихъ, потяжелѣе, скатились назадъ съ возвышенія и опрокинули болѣе легкіе фургоны, изъ которыхъ вывалились на землю книги, канделябры, часы, посуда. Среди этого хаоса нотная тетрать, страницы которой переворачивались вѣтромъ, лежала рядомъ съ гитарой, и эти ноты напоминали ему знакомый мотивъ, который онъ когда-то слышалъ въ будуарѣ прелестной женщины. Содрогнувшись при этомъ воспоминаніи о молодости, о любви, онъ почувствовалъ, какъ въ глубинѣ его души шевельну-

лись накипѣвшія тамъ скука, злоба, отчаянье. Онъ быстро поднесъ руку къ глазамъ, чтобы остановить навертывавшіяся слезы. Ему стыдно было за свое малодушіе; но при видѣ этой гитары въ такую критическую минуту онъ дѣйствительно хотѣлъ плакать.

Сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ, однако, продолжалъ путь ускореннымъ шагомъ. Спустя часъ, онъ догналъ своего вчерашняго спутника, еще болѣе сгорбленнаго и хромавшаго еще сильнѣе. Сначала онъ подумалъ, не лучше ли ему одному идти тѣмъ же скорымъ шагомъ и оставить позади этого инвалида, но тотъ, улыбаясь, не чувствуя своей слабости, промолвилъ любезнымъ тономъ:

— Это напоминаетъ мнѣ дорогу во Фландріи, около Даммартэна.

И онъ указалъ пальцемъ на величественную аллею, развертывавшуюся передъ ними и окаймленную четырьмя рядами деревьевъ.

Они согласились, что нѣтъ въ Европѣ дорогъ болѣе скучныхъ, чѣмъ дороги во Фландріи, что Даммартэнъ очень пріятный городокъ, что въ немъ, на площади, можно помѣстить много лошадей. Затѣмъ оба они замолчали, чувствуя, какъ мало значенія имѣютъ слова для людей, у которыхъ все общее: интересы, заботы, горе, бѣдствія. Скользкое шоссе мелькало у нихъ подъ ногами; хвостъ арьергарда удалялся и исчезалъ; неожиданно ихъ сталъ догонять какой-то экипажъ, скрипя на деревянныхъ осяхъ. Долгое время лошадь слѣдовала позади, тяжело волоча наполовину оторвавшуюся подкову, шлепавшую по льду. Потомъ рыдванъ поровнялся съ ними и ѣхалъ рядомъ; около него, точно сторожевая собака, брелъ мужчина, дико озиравшійся по сторонамъ. Въ рыдванѣ можно было различить женскую прическу: тамъ сидѣла его жена. Она кормила грудью ребенка.

Между тѣмъ, отрядъ фейерверкеровъ уничтожалъ мѣстами зарядные ящики, валявшіеся по краямъ дороги. Оглушенный звяканьемъ подковъ, скрипомъ колесъ, Верди не слышалъ треска многочисленныхъ взрывовъ; но послѣдній взрывъ, ознаменовавшійся снопомъ пламени, заставилъ его спутника содрогнуться.

— Я никогда не могу привыкнуть къ этому,—проговорилъ онъ.

— Къ чему?

— Къ этому шуму...

Еще болѣе замедляя свой шагъ, онъ прибавилъ съ какимъ-то страннымъ оттѣнкомъ грусти:

— Впрочемъ, что вамъ за дѣло до неизвѣстнаго вамъ человѣка?

— Правда, вѣдь я не имѣю чести знать васъ,—возразилъ Верди, который также забылъ до сихъ поръ назвать себя.

— Я—Пьеръ Маржерэ, капитанъ артиллеріи 4-го корпуса, а вы?

— Жанъ Верди, поручикъ гусарскаго полка.

— Знаете ли вы, Верди, сколько армія потеряла пушекъ?

— Чортъ возьми, нѣтъ... пятьдесятъ? сто?

— Двѣсти пятьдесятъ... Двѣсти пятьдесятъ орудій!—повторилъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалось глубокое сожалѣніе.—Теперь

даже не заклепываютъ ихъ, а просто бросаютъ на дорогѣ, на колесахъ: казакамъ стоитъ только запрячь ихъ и увезти. А въ сущности подпилить спицы, сломать ступицу не трудно? Вотъ я подъ Малоярославцемъ попортилъ всѣ свои орудія.

— О! о! дорогу! — вдругъ прервали ихъ крики среди брызгъ грязи и щелканья бичей.

Зарядный ящикъ, запряженный четверкой и сопровождаемый драгунами, обогналъ обоихъ офицеровъ.

— Маршалъ Даву...—замѣтилъ Верди, отдавая честь лицу, сидѣвшему на ящикѣ.

Они снова вышли на середину шоссе, но черезъ нѣсколько минутъ стукъ колесъ заставилъ ихъ опять посторониться.

— Еще генералъ...

— Нѣтъ. Это скорѣе генеральская любовница.

Сквозь стекла дормеза они увидѣли розовое личико, улыбавшееся среди укутывавшихъ ее мѣховъ; это была какая нибудь театральная субретка, перевозимая съ багажемъ, подобно прочимъ предметамъ роскоши, и кокетливая, нарядная, она теперь словно отправлялась на прогулку въ Елисейскія поля.

— Видъ красивой женщины всегда дѣйствуетъ ободрительно...— замѣтилъ гусаръ.

— Да,— отвѣчалъ Маржерэ, и прибавилъ:—красивый ребенокъ тоже очень пріятенъ для глаза...

Имѣли ли эти слова особый смыслъ для него, или нѣтъ, но они, повидимому, взволновали его, и онъ впалъ въ безмолвное отчаяніе, которое его спутникъ тщетно пытался побороть. Но чего не могли сдѣлать всѣ усилія Верди, произвело одно случайное обстоятельство: они наткнулись на трупъ, лежавшій на краю дороги. Дружескія руки, протащивъ его до этого мѣста, оставили тутъ на волю судьбы. Безбородый, бѣлокурый, онъ держалъ въ правой рукѣ свое ружье.

— Это артиллеристъ молодой гвардіи,— проговорилъ Маржерэ, вдругъ остановившись, какъ вкопанный.—Смерть еще болѣе молодитъ ребятъ! Этотъ былъ фейерверкеромъ... вы видите?

Онъ наклонился надъ нимъ и бережно, отечески, поправилъ его позу на ледяной постели.

— Спи, молодецъ. Ты честно исполнилъ свой долгъ.

И съ трудомъ приподнявшись, чтобы продолжать свой путь, онъ прибавилъ:

— Мои молодцы тоже умирали съ ранцемъ за спиной. Да, ни одинъ изъ нихъ не бросилъ своего ранца...

— Да, солдаты болѣе страдаютъ, чѣмъ офицеры,—проговорилъ Верди, желая обратить разговоръ на болѣе общую тему.

— Кто знаетъ?.. Кто можетъ подвести балансъ радостей и горя?

— И безъ подобнаго баланса... солдаты скорѣе гибнутъ, чѣмъ офицеры, это безспорно.

— Тѣ, которые выбываютъ изъ строя, погибаютъ скорѣе, потому что они быстрѣе поддаются отчаянію. Но за то другіе, поддерживаемые примѣромъ и сдерживаемые дисциплиной, выносятъ такъ же долго, какъ мы. Для того, чтобы существовать, необходимы вѣра и любовь. Въ какомъ бы несчастномъ положеніи ни была армія, эти два великіе источника не изсякнутъ въ ней, потому что они сами собою пробиваются всюду, гдѣ люди согласились жить вмѣстѣ; и какъ бы невѣжественъ ни былъ солдатъ, эти два великія начала не отсутствуютъ у него: будучи простымъ, онъ вѣритъ просто и любитъ просто, вотъ и все. Повѣрите ли вы мнѣ, если я скажу, что одинъ изъ моихъ солдатъ прожилъ цѣлый мѣсяцъ безъ всякой другой поддержки, кромѣ словъ, которыя онъ слышалъ отъ меня.

— Кромѣ однихъ словъ?.... повторилъ Верди, умъ котораго съ трудомъ освоивался съ предметомъ, совершенно новымъ для него.

— Да... Разсказъ объ этомъ можетъ быть назидателенъ для такого молодого офицера, какъ вы. Его фамилія была Боканъ; это былъ хорошій столяръ, родомъ изъ Бетюна... Но онъ пьянствовалъ, какъ всѣ сѣверяне... Совершенно случайно я столкнулся съ нимъ въ Дорогобужѣ: представьте себѣ, онъ уже три недѣли розыскивалъ меня! Съ тѣхъ поръ мы шли съ нимъ бокъ о бокъ. Все равно, былъ ли я верхомъ, или пѣшкомъ, но я оставался его капитаномъ и несъ за него отвѣтственность передъ императоромъ. Прежде всего я заставилъ его поклясться, что онъ не станетъ пить болѣе, и въ теченіе цѣлой нѣдѣли, онъ исполнялъ свое обѣщаніе съ рѣдкой выдержкой. Я увѣрилъ его, что въ Смоленскѣ мы найдемъ съѣстные припасы, такъ какъ императоръ отдалъ приказанія на этотъ счетъ. Не правда ли, вы тоже раздѣляете мое мнѣніе, что отъ солдатъ слѣдуетъ скрывать ошибки начальниковъ: они и безъ того видятъ ихъ достаточно. Вотъ мой молодецъ вѣрилъ, что тамъ насъ ожидаютъ, и онъ шелъ; французскіе солдаты всегда идутъ, когда въ нихъ вселятъ хоть какую нибудь надежду. Онъ говорилъ, что хотѣлъ бы послать своей возлюбленной снѣжныхъ шариковъ, и много другого вздора. Я не мѣшалъ ему болтать: веселость солдатъ одна часто и спасаетъ ихъ... Къ тому же, его веселое расположеніе духа подбадривало меня: офицеръ тоже нуждается въ солдатѣ. Такимъ образомъ мы добрались до Смоленска: вы помните этотъ ужасный день?

— Смоленскъ?—подумалъ Верди, и онъ отыскалъ въ своихъ воспоминаніяхъ тотъ рядъ трагическихъ сценъ, которыя носили общее названіе «Смоленскъ».

— Да, Смоленскъ... Это было ужасно.

— Когда Боканъ увидѣлъ, что ничего не раздаютъ, онъ отправился съ другими грабить и пить водку. При двадцатипяти градусномъ морозѣ это было равносильно подписи своего смертнаго приговора. Я тотчасъ же понялъ, что онъ погибъ, а онъ, между тѣмъ, весело распѣвалъ. Дорогой Верди, я видѣлъ, что онъ умретъ скоро,

и былъ не въ силахъ помѣшать ему пѣть. Наконецъ, онъ легъ прямо на снѣгъ и не хотѣлъ болѣе встать. Но вы никогда не отгадаете, какія были его послѣднія слова...

— Онъ вспоминалъ о своихъ родителяхъ? о женщинѣ?...

— Нѣтъ... Онъ сказалъ: «если бы императоръ зналъ это»... Ничто не могло поколебать въ немъ мысль, что императоръ неустанно заботится о своихъ войскахъ, но что интенданты обкрадываютъ солдатъ. Вотъ его грустная исторія; онъ умеръ съ ранцемъ за спиною, не утративъ вѣры и своихъ иллюзій. Это былъ послѣдній изъ моихъ солдатъ.

— У васъ остался, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ офицеръ, мой капитанъ, и это—я!—быстро возразилъ Верди.

— Тогда будемъ говорить, какъ офицеры,—отвѣчалъ Маржерэ, дружески положивъ ему на плечо руку.—Поговоримъ объ этой войнѣ...

Передъ ними прямолинейное шоссе уходило вдаль, вплоть до деревни Коханово, обрисовывавшейся на фонѣ великолѣпнаго заката; направо и налѣво, въ два ряда высились березы, покрытыя густымъ инеемъ, сверкавшимъ всѣми цвѣтами радуги. Оба путника вошли въ волшебную хрустальную аллею; она казалась Верди преддверіемъ другаго міра, высшаго, чистаго, великодушнаго, до такой степени новы были для него мысли, высказанныя его товарищемъ.

— Слѣдуетъ сознаться, — говорилъ Маржерэ,—что эта война—кара для Франціи. Мы платимся за наши преступныя намѣренія и за наши дерзкіе успѣхи. Повсюду безпорядокъ, искупленіе, муки. Съ одной стороны новобранцы, слишкомъ слабые для службы, и силами которыхъ злоупотребляютъ, съ другой—офицеры, съ бранью на устахъ, прибѣгающіе къ ударамъ, чтобы заставить повиноваться себѣ, такъ какъ тому, кто хочетъ добиться несправедливаго, не остается иного исхода, какъ прибѣгнуть къ насилію. А, затѣмъ, позоръ, покрывшій наше оружіе, ужасъ, внушаемый этимъ обширнымъ кладбищемъ, на которомъ мы являемся могильщиками по отношенію къ нашимъ солдатамъ, армія, покрытая лохмотьями, отечество, угрожаемое бѣдствіями, гибель позади и гибель впереди!

Онъ остановился на мгновеніе, чтобы вытереть слезы, навернувшіяся на его налитыхъ кровью глазахъ, и продолжалъ медленно:

— Я знаю причину этого зла, я знаю ее... Дѣло въ томъ, что всякое завоеваніе — несправедливость, что побѣдоносная армія совершаетъ неправое дѣло и съ дурнымъ намѣреніемъ. Мы идемъ сбитые съ толку, ослѣпленные нашими мечтами о славѣ, и миражи честолюбія заслоняютъ отъ насъ добро. Почести, титулы, всѣ эти жалкія побрякушки нарушаютъ равновѣсіе нашей совѣсти! Не такъ было въ первые годы республики, когда не только не забыли еще прекрасныхъ словъ, вписанныхъ въ «Декларацію о правахъ человѣка», что «общественная сила установлена для всеобщаго блага, а не для личной пользы тѣхъ, кому она ввѣрена», но находились

офицеры, способные согласовать свои дѣйствія съ этимъ принципомъ. Что касается меня, начавшаго служить въ IX-омъ году въ рейнской арміи, подъ начальствомъ незабвеннаго генерала Эблэ, я хотѣлъ послѣдовать его примѣру; раздувъ свои заслуги, пользуясь своимъ именемъ, я могъ бы, какъ другіе, достигнуть высокаго положенія въ штабѣ, но во мнѣ жило какое-то врожденное влеченіе къ службѣ въ рядахъ войскъ. Оставаясь внизу, я присутствовалъ при великихъ перемѣнахъ, совершавшихся на верху; первый консулъ сдѣлался императоромъ, армія, составленная путемъ набора и закаленная войною, армія, долженствовавшая защищать республику извнѣ, служила къ ея ниспроверженію внутри. Я остерегался обвинять кого бы то ни было: я видѣлъ, что императоръ самъ былъ вынужденъ слѣдовать за ходомъ обстоятельствъ, но я съ содроганіемъ замѣчалъ вдали страшный конецъ, къ которому мы подошли теперь.

— Во главѣ насъ слѣдовало бы поставить такихъ людей, какъ вы,—замѣтилъ Верди.

— Какъ я? Нѣтъ... Чинъ капитана—вотъ все, чего я желаю, и, къ тому же, средство противъ настоящихъ золъ заключается не въ выборѣ лицъ, но лишь въ одномъ улучшеніи нравовъ. Наше несчастье во Франціи, что мы во всемъ полагаемся на генія и основываемъ нашу мощь на игрѣ нашего ума. Что касается меня, я не понимаю болѣе, что значитъ умъ отдѣльнаго человѣка передъ лицомъ усложненій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы переживаемъ теперь; по-моему, при такихъ обстоятельствахъ имѣетъ значеніе только одно—духъ войскъ, все остальное—ничто. Къ чему служитъ, напримѣръ, вся эта погоня за усовершенствованіями въ области артиллеріи, и безъ того такъ тщательно переустроенной. Ни къ чему: слѣдовало бы возродить, пересоздать общественную волю; если бы эти толпы имѣли душу, то они выпутались бы изъ хаоса. Я думалъ обо всемъ этомъ въ теченіе моихъ долгихъ переходовъ, прежде, чѣмъ имѣлъ честь встрѣтиться съ вами. Теперь я увѣренъ, что «великою арміею» можетъ быть только такая армія, въ которой каждымъ человѣкомъ, отъ низшаго до высшаго, въ каждое мгновеніе руководитъ одно начало — знаніе и чувство долга. Это будетъ понятно черезъ столѣтіе, и мы послужимъ средствомъ для усвоенія этой истины, мы всѣ, которые перемремъ здѣсь. Тогда для войны будутъ подготовлять душу солдата, потому что солдатъ одаренъ такою же душею, какъ и офицеръ. Первоначально Богъ не создалъ никакой разницы между людьми.

— Но, когда примутся холить душу солдата, тогда, быть можетъ, не замедлятъ открыть, что душа французскаго солдата походитъ на душу русскаго солдата... Развѣ тогда война не станетъ невозможной, немыслимой?

Маржерэ поднялъ къ небу свои страдальческіе глаза и отвѣчалъ:

— Это тайна, извѣстная одному Богу.

V.

Корпусъ Жюно занималъ Коханово вторыя сутки; разрушенная, сожженная деревня съ каждымъ часомъ все болѣе исчезала съ лица земли. Часовые, разставленные у нѣсколькихъ домовъ, еще годныхъ для жилья, охраняли ихъ до прибытія штабовъ. Верди и Маржерэ, опираясь одинъ на другого, долго искали ночлега; наконецъ, они остановились, ослѣпленные и восхищенные, передъ небольшимъ квадратнымъ пространствомъ земли, покрытымъ густымъ слоемъ потухавшихъ угольевъ. На этомъ мѣстѣ находилась разрушенная изба: отъ нея уцѣлѣлъ лишь одинъ уголъ, совершенно почернѣвшій, но отдѣленный отъ костра порядочнымъ разстояніемъ, такъ что могъ служить приманкой.

— Погрѣйтесь-ка здѣсь, капитанъ, а я отправлюсь на площадь,— сказалъ Верди и, опасаясь для его больныхъ ногъ близости огня, онъ усадилъ Маржерэ поодаль, въ сторонѣ, на снѣгу, смѣшанномъ съ пепломъ.

Самъ же онъ поспѣшилъ къ тѣмъ поварамъ, зловонная кухня которыхъ предлагала обыкновенно для утоленія голода только лошадиное мясо, поджаренное на салѣ и посоленное порохомъ.

— Сегодня супъ!—весело воскликнулъ онъ, возвращаясь съ добычей.

Маржерэ, присѣвъ накорточки, держалъ на колѣняхъ листъ бумаги, а въ правой рукѣ воронье перо.

— Серьезныя дѣла назавтра,—отвѣчалъ онъ.— Я хотѣлъ прибавить нѣсколько строкъ къ этому письму, но ничто не дѣйствуетъ, ни мои пальцы, ни мои глаза. Супъ!.. Скушаемъ его, какъ можно больше!

Онъ съѣлъ очень много, не произнеся ни слова, затѣмъ вытянулся и тотчасъ заснулъ. Черезъ минуту онъ уже бредилъ, приказывая какому-то лакею снести на почту письмо «для барыни».

Ночь и морозъ усилились. Верди время отъ времени просыпался, чтобы поддерживать огонь; онъ ощупывалъ Маржерэ, лежавшаго очень спокойно. Около двѣнадцати часовъ онъ прошелся немного, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ степи. Небо было мрачное; вокругъ царствовала безмятежная тишина. Съ аванпостовъ не доносилось ни одного выстрѣла, ни одного крика.

Вдругъ раздался шумъ, отчетливый, рѣзкій. Быть можетъ, упало дерево, вырванное съ корнями? Но нѣтъ... Это было живое существо, уложенное двумя зловѣщими дровосѣками: зимою и голодомъ. Верди, содрогнувшись, вспомнилъ о «Консулѣ», упавшемъ на лѣвый бокъ возлѣ костра. Но вотъ уже второе мертвое тѣло звонко ударилось о ледяную землю; затѣмъ другія мертвыя существа, люди или лошади, стали падать, производя тотъ же шумъ.

Верди усилилъ огонь; сожалѣя о всѣхъ окружавшихъ мертвецахъ, онъ подумалъ, что ужасъ не дастъ ему уснуть, и прислонился, ставъ къ углу избы. Но вскорѣ сонъ сковалъ его въ этомъ вертикальномъ положеніи, и только утромъ его разбудилъ снѣгъ, падавшій ему на лице. Онъ увидѣлъ себя все въ той же позѣ, но снѣгъ покрывалъ его ноги до колѣнъ; поблѣднѣвшій костеръ дымился, не давая никакого пламени. Маржерэ напоминалъ собою какую-то безформенную бѣлую массу...

— Капитанъ, капитанъ! — воскликнулъ Верди и изо-всей силы встряхнулъ его, боясь найти его окоченѣвшимъ, замерзшимъ.

— Зачѣмъ же вы будите меня? Мнѣ было тепло, я видѣлъ сонъ...— отвѣчалъ Маржерэ съ упрекомъ.

Онъ привсталъ, поднялъ свое покрытое снѣгомъ и испачканное пепломъ лицо, посмотрѣлъ вокругъ себя, увидѣлъ свое положеніе, понялъ его и, снова упавъ, повторилъ съ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія:

— Я видѣлъ сонъ.

VI.

На слѣдующій день имъ не удалось соединиться съ маршаломъ, и они рѣшили опередить его и обождать на дорогѣ къ Бобру.

— Да, выйдемъ первыми,—проговорилъ Маржерэ,—мы тогда увидимъ, какъ проѣдетъ императоръ.

Они вышли изъ Толочина и пошли по широкому шоссе; покрытое снѣгомъ, оно напоминало собою волнистую поверхность моря, каждая волна котораго скрывала подъ собою трупъ.

— Его никогда не встрѣчаешь,—продолжалъ Маржерэ, ослабѣвшій умъ котораго мечталъ лишь объ одномъ — объ императорѣ. — Гдѣ же я видѣлъ его въ послѣдній разъ?.. Это было въ Москвѣ, или въ Вязьмѣ. Во всякомъ случаѣ, одно я знаю прекрасно, что онъ наградилъ меня орденомъ на слѣдующій день послѣ сраженія при Ваграмѣ.

— А меня въ день сраженія при Валютинѣ, 20-го августа.

Они снова погрузились въ молчаніе, которое сохраняли впродолженіе предыдущаго перехода, и на свободѣ отдались воспоминаніямъ объ этихъ двухъ событіяхъ.

На слѣдующій день послѣ сраженія при Ваграмѣ вся армія выстроилась для парада на равнинѣ, на которой дрались наканунѣ, и которую уже успѣли очистить отъ крови и труповъ. Императоръ въ полной парадной формѣ производилъ смотръ. Онъ обходилъ ряды войскъ пѣшкомъ; за нимъ шли офицеры главнаго штаба, разряженые, расшитые, блестящіе; затѣмъ слѣдовала пышная, подобострастная, придворная свита. Его сопровождалъ также оркестръ гвардіи: каждый разъ, когда онъ останавливался передъ полкомъ, воздухъ

оглашался звуками громкой музыки, далеко разносившейся по полю сраженія. Онъ удалялся, и оркестръ удалялся вмѣстѣ съ нимъ, а затѣмъ двигалась и вся пресмыкающаяся, рабски-послушная, толпа. Такимъ образомъ, императоръ дошелъ до рядовъ артиллеріи, привѣтствуемый на правомъ флангѣ хоромъ трубачей. Орелъ былъ вынесенъ впередъ и поставленъ посрединѣ фронта; всѣ имѣвшіе знаки ордена Почетнаго Легіона сгруппировались вокругъ него, точно для защиты своего знамени, и отдавали честь; передъ ними, выстроившись по старшинству и чинамъ, стояли офицеры, ожидавшіе награды. Здѣсь находились на лицо всѣ офицеры батареи Брюо. Генералъ Абовиль, блѣдный, изнуренный, стоялъ на правомъ флангѣ; ночью ему отняли лѣвую руку. Они получили предназначенные для нихъ ордена, собственноручно прикрѣпленные монархомъ къ ихъ груди, въ которой сердце билось лишь для него одного... Они кричали: «да здравствуетъ императоръ!...», обнимались между собою, отвѣчали на поздравленія слезами, горѣли желаніемъ снова пойти въ бой и встрѣтить смерть. Только одинъ онъ, которому они всѣ принадлежали, одинъ этотъ сверхъестественный человѣкъ, правившій міромъ, казалось, не чувствовалъ своего могущества и, съ заложенными за спину руками, продолжалъ мелкими ровными шагами обходить свою, широко развернувшуюся, армію.

Подъ Валютиномъ, 20-го августа, около трехъ часовъ утра, всѣ войска, сражавшіяся наканунѣ и ночью, снова стали подъ ружье. Выстроились въ два ряда: первый—въ полномъ составѣ, второй—съ промежутками; это дѣлалось для того, чтобы скрыть произведенныя въ войскахъ потери. Хотя императоръ все это видѣлъ и понималъ, но довольный храбростью своихъ войскъ, онъ ласково, непринужденно, съ улыбкой, удѣлялъ каждому нѣсколько словъ. Подойдя къ 13-му гусарскому полку, онъ молча положилъ руку на плечо первому изъ офицеровъ, которымъ онъ хотѣлъ раздать ордена.

— Государь,—подсказалъ какой-то офицеръ,—поручикъ Верди.

— Верди... Хорошо.

И властелинъ, прежде чѣмъ заговорить, устремилъ свой пристальный взглядъ прямо въ глаза офицера.

— Ты принесъ мнѣ знамя подъ Фридландомъ?

— Да, государь.

— Ты былъ раненъ подъ Фридландомъ и Витебскомъ. Вчера ты спасъ мнѣ пушки. Я дѣлаю тебя кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона.

Онъ отошелъ на два шага; затѣмъ обернулся и прибавилъ:

— Сколько людей выбыло въ твоемъ взводѣ?

— Двое, государь.

— Не болѣе?

— Нѣтъ, государь.

— Что же сталось съ ними?... Дезертировали? Попали въ плѣнъ?

— Нѣтъ, государь, пали на полѣ чести.

— Прекрасно.

Слѣдующій офицеръ, которому онъ далъ крестъ, былъ старый адъютантъ, маленькій, морщинистый, невзрачный, съ головою въ повязкѣ. Въ высшей степени довольный, онъ не могъ удерживаться отъ смѣха и на всѣ вопросы отвѣчалъ: «Да, мой императоръ».

— Здорово, мой старый египтянинъ... Я не ошибаюсь, я тебя зналъ въ Египтѣ?

— Да, мой императоръ.

— Что же, вчера тебя опять поцарапали?

— Да, мой императоръ.

— Ну, это продолжается достаточно долго. Я тебя дѣлаю кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона. Но только берегись, чтобы я не разжаловалъ тебя: мнѣ говорили, что ты пьешь?

— Да, мой императоръ.

И монархъ блѣдный, одутловатый, прошелъ дальше, а его растянувшаяся свита перестала скрывать отъ его глазъ поле сраженія, представившееся во всемъ своемъ ужасѣ съ кучами труповъ.

Воспоминанія эти были прерваны движеніемъ второй кавалерійской колонны; по одной дородности лошадей Верди и Маржерэ заключили, что она принадлежитъ къ составу императорской гвардіи. Это былъ эскадронъ, дежурившій при особѣ императора. Они боязливо сошли съ шоссе и пошли по полю, причемъ высокій снѣгъ и промерзлыя борозды затрудняли ихъ шаги.

Передъ ними проѣзжали кирасиры по четыре въ рядъ; темныя шинели скрывали ихъ блестящія латы. Они подвигались мѣрно, стройно, и это избранное войско, отступавшее по приказанію, пробудило въ сердцѣ Верди болѣе, чѣмъ безпорядочная толпа отсталыхъ, сознаніе всеобщаго бѣгства, такъ какъ это бѣгство невольное, инстинктивное у другихъ, здѣсь становилось добровольнымъ: этотъ отрядъ ретировался по волѣ императора сообразно его собственнымъ движеніямъ. Тутъ Верди почувствовалъ какое-то тайное влеченіе броситься на середину шоссе и крикнуть этимъ преторіанцамъ безъ сердца, безъ мужества: «Направо... кругомъ!.. маршъ! въ атаку!».

Но случайно его взглядъ остановился на глазахъ офицера, проѣзжавшаго во главѣ своего взвода, эти глаза смотрѣли неподвижно, съ выраженіемъ боли и покорности, они были полны отваги и отчаянія. «Атаковать?... что?...» говорили эти глаза, которыхъ онъ никогда не могъ забыть; и Верди мрачно посмотрѣлъ на бѣлую землю и мрачное небо, этихъ неуловимыхъ враговъ.

Однако онъ приближался, онъ—маленькій, гигантскій всадникъ, которому можно было предшествовать, или за которымъ можно было слѣдовать, но котораго нельзя было сопровождать. По мѣрѣ своего

приближенія онъ точно выросталъ въ своемъ величіи; его конь выступалъ осторожно, ловко, точно сознавалъ всю драгоцѣнность своей ноши. Затѣмъ обрисовались черты лица героя, тождественныя съ изображеніемъ, которое каждый изъ его современниковъ хранилъ въ глубинѣ своей памяти; его глаза блестѣли на поблѣднѣвшемъ лицѣ ихъ прежнимъ блескомъ.

Императоръ былъ въ мѣховой шапкѣ, въ черномъ бархатномъ польскомъ доломанѣ, подбитомъ соболемъ и украшенномъ золотымъ шитьемъ; съ боку, на груди, виднѣлась звѣзда Почетнаго Легіона; на ногахъ у него были мягкіе, поднимавшіеся сапоги, выше колѣнъ. Постояннымъ машинальнымъ движеніемъ онъ опускалъ свою правую руку и затѣмъ круто останавливалъ ее, причемъ равномѣрно колебался находившійся въ ней хлыстъ.

— Кто знаетъ, о чемъ думаетъ императоръ?—вполголоса замѣтилъ Верди.

— Быть можетъ, о римскомъ королѣ: у него веселая улыбка.

Выпрямившись, точно идя во главѣ своей роты послѣ императорскаго смотра, Маржерэ шелъ наравнѣ съ первымъ рядомъ свиты; его наболѣвшія ноги, теперь уже не ощущавшія боли, быстро разрывали и утаптывали снѣгъ.

— Императоръ не узнаетъ насъ,—проговорилъ онъ съ обычнымъ ему выраженіемъ прямоты и добродушія.

— Да вѣдь насъ теперь и трудно узнать,—отвѣчалъ, улыбаясь, Верди.

— Странно... увидѣвъ его, я сразу вспомнилъ всѣ мельчайшія обстоятельства моей послѣдней встрѣчи съ нимъ... Это было при Вереѣ, да, при Вереѣ...

Онъ замолчалъ и шелъ, созерцая необыкновеннаго человѣка, который, обремененный столь страшной отвѣтственностью, могъ такъ легко нести ее и спокойно ѣхать въ своемъ польскомъ костюмѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, точно на охотѣ въ Фонтенебло. «Дивная лошадь»... думалъ Верди, любуясь императорскимъ конемъ, лелѣемымъ и избраннымъ изъ тысячи другихъ. Онъ достаточно былъ знакомъ съ разрядами лошадей на императорской конюшнѣ, чтобы распознать въ этомъ конѣ не боевого, а парадера. Онъ съ любопытствомъ оглянулся назадъ, чтобы посмотрѣть, не ведутъ ли подъ уздцы другихъ счастливыхъ животныхъ, жирныхъ, лоснящихся, бездѣятельныхъ, дожидавшихся, подъ бархатными попонами, понести на своемъ сѣдлѣ властелина войны, отъ котораго зависѣла судьба всѣхъ людей и лошадей Франціи. «Послѣдній конюхъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ я»... продолжалъ онъ думать съ неудовольствіемъ, видя, что столько берейторовъ, жокеевъ, конюшихъ сидятъ на такихъ прекрасныхъ лошадяхъ. «Графъ Раппъ сошелъ съ лошади»... Мысль, что графъ Раппъ добровольно превратился въ пѣшехода, его нѣсколько успокоила и, переведя свой взглядъ на первый рядъ свиты, онъ сталъ

перечислять лицъ, слѣдовавшихъ позади героя. Графъ Лористонъ тоже шелъ пѣшкомъ, имѣя крайне усталый видъ и ведя свою лошадь за уздцы; затѣмъ онъ назвалъ мысленно герцога Фріульскаго, герцога Истрійскаго, принца Евгенія, графа Лобау...

Дорога незамѣтно поднималась къ отдаленной возвышенности, неясныя очертанія которой выдѣлялись, бѣлѣя на фонѣ сѣроватыхъ тучъ. Неожиданно на гребнѣ мелькнулъ султанъ, а затѣмъ обрисовалась фигура всадника. Замѣтивъ императора, онъ пришпорилъ лошадь, рискуя упасть на скользкое шоссе и сломать себѣ ноги.

— Это полковникъ... главнаго штаба,— объявилъ Верди, сгорая отъ любопытства узнать, какія новости онъ привезъ.

— Быть можетъ, предстоитъ сраженіе,— вполголоса замѣтилъ Маржерэ.

Полковникъ остановился передъ самымъ императоромъ и отдалъ ему честь. Наполеонъ, казалось, не замѣтилъ его, и онъ, подъѣхавъ къ Бертье, сталъ тихо докладывать ему. Онъ былъ забрызганъ грязью до самаго воротника своего доломана, а усталый видъ его коня доказывалъ, что онъ прибылъ издалека.

— Что онъ тамъ говоритъ?—спросилъ Наполеонъ, быть можетъ, случайно уловившій слова: «русскіе», «Березина».

— Государь,—сказалъ офицеръ, которому Бертье знакомъ приказалъ повторить свои слова,—имѣю честь доложить вашему величеству, что русскіе овладѣли переправами черезъ Березину.

Наполеонъ привскочилъ на сѣдлѣ; но, быстро овладѣвъ собою, онъ отвѣтилъ съ выраженіемъ напускной увѣренности, вполнѣ выдававшей его безпокойство:

— Вы ошибаетесь, милостивый государь. Герцогъ Реджіо только что сообщилъ мнѣ противное.

— Государь, я посланъ къ вамъ герцогомъ Реджіо.

— А! вы посланы ко мнѣ герцогомъ Реджіо?—съ живостью повторилъ императоръ, никогда не говорившій безполезныхъ словъ.

Онъ провелъ рукою по лбу и, оставивъ вѣжливый тонъ, рѣзко скомандовалъ:

— Ну, такъ что-жь? Говорите, что вы видѣли.

— Государь, Борисовъ взятъ въ эту ночь. Городъ во власти русскихъ. Приблизившись къ нему, чтобы найти генерала Домбровскаго, я былъ встрѣченъ ружейными выстрѣлами.

Наполеонъ поблѣднѣлъ; на губахъ у него показалась пѣна; безпорядочно размахивая руками, онъ дергалъ мундштукъ и невольно остановилъ лошадь.

— Вы лжете! лжете! лжете!—наконецъ воскликнулъ онъ съ яростью и бѣшенствомъ.

Оскорбленный офицеръ холодно отдалъ честь, испрашивая этимъ дозволеніе удалиться. Тутъ гордый завоеватель прочелъ въ его глазахъ истину; онъ, властелинъ вселенной, почувствовалъ себя игра-

лицемъ той судьбы, передъ которой склоняется каждый человѣкъ, какой бы власти онъ ни достигъ надъ прочими людьми, и, повернувъ свое искаженное лицо къ врагу, заграждавшему ему путь, онъ дважды хлопнулъ по воздуху хлыстомъ. Но невидимая рука какъ бы сразила его, и онъ упалъ на шею лошади, которая, упираясь на переднія ноги, стояла неподвижно. Всѣ смотрѣли на сраженнаго колосса.

Бертье, желая поддержать его, заставилъ его очнуться.

— Ну, что вамъ?—спросилъ онъ, насупивъ брови, и съ ненавистью посмотрѣлъ на свидѣтелей своего пораженія:—ну, двигайтесь, отсталые, двигайтесь!

Еще одно мгновеніе—всѣ подобрали поводья, пришпорили усталыхъ лошадей, и Маржерэ услышалъ, какъ императоръ, устремивъ на него и Верди свои пылавшіе злобой глаза, повторялъ:

— Подлецы... отсталые!

VII.

Неподвижный, ослабѣвшій, Маржерэ смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся.

— Вы слышали?—замѣтилъ онъ съ горечью,—вы слышали?

— Да... но что намъ до Березины? Мы перейдемъ черезъ нее, какъ уже перешли черезъ много другихъ рѣкъ.

— Дѣйствительно, перейдено много другихъ... въ бродъ, по мостамъ, по льду...

— Такъ идемте, идемте... Что для насъ значитъ потеря моста, для насъ, выбывшихъ изъ строя?

Маржерэ отрицательно кивнулъ головою, какъ бы говоря: «мы не понимаемъ другъ друга».

— Вы думаете такъ же, какъ императоръ: по вашему мнѣнію, мы—подлецы отсталые. Правда, у насъ уже не хватаетъ силъ, чтобы носить оружіе; я согласенъ, что мы похожи на бѣглецовъ. Но почему же императоръ называетъ насъ подлецами отсталыми, насъ, которые такъ много выстрадали ради него и по его милости. Какъ могъ онъ утратить до такой степени всякое чувство приличія?—объясните мнѣ,—какъ?

— Его вывело изъ себя полученное извѣстіе. Онъ говорилъ наобумъ, что ни попало. Но онъ успокоится, подумаетъ, приметъ надлежащее рѣшеніе. Онъ найдетъ средства извлечь насъ отсюда, будьте въ этомъ увѣрены.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ. Онъ достаточно геніаленъ, чтобы еще разъ спасти насъ. Намъ остается лишь послѣдовать за нимъ. Только я ужъ очень давно слѣдую за нимъ и ужасно усталъ. Я совсѣмъ ослабъ. Пора остановиться.

— Вы говорили, что никогда не останавливаетесь...

Маржерэ взглянулъ на виднѣвшіеся еще хвосты лошадей на хребтѣ отдаленнаго возвышенія и тихо произнесъ:

— Это онъ остановилъ меня.

— Идемте,—умолялъ Верди,—не упрямьтесь, не обижайтесь за одно слово! Идемте! Остановка равносильна смерти.

— Вы думаете?.. — переспросилъ Маржерэ, вдругъ пораженный какой-то новой мыслью, и прибавилъ задумчиво: — но смерть вѣдь покой.

Эта мысль, проникнувъ въ его сознаніе, возмутила все его существо; онъ поднялъ голову, надъ которой повисла роковая угроза, и собрался съ силами, чтобы идти, но одна изъ его ногъ отказалась ему служить.

— Мнѣ кажется, что у меня отмерзла нога, — замѣтилъ онъ, — та самая, которую я уже разъ отморозилъ.

Онъ сталъ на колѣни, ощупалъ ее и уже не могъ болѣе приподняться.

— Вставайте!—въ отчаяніи воскликнулъ Верди и, взявъ его подмышки, изо всѣхъ силъ потянулъ кверху.—Вставайте! Вы говорили, что надо всегда сохранять желаніе жить.

Маржерэ протянулъ свою холодную руку, улыбнулся, какъ при ихъ первой встрѣчѣ, и тихо сказалъ:

— Я и теперь хочу жить, но уже не могу...

Дѣйствительно, не имѣя болѣе силы бороться съ самимъ собою, видя, что его члены, одинъ за другимъ, отказывались служить ему, онъ тщетно пытался упереться на землю и встать на колѣно; онъ могъ приподнять одну лишь голову, остальное тѣло было неподвижно. Но, усѣвшись въ снѣгу, онъ еще не сдавался; его шевелящіяся, умоляющія губы тянулись къ небу, точно онъ ожидалъ свыше какой нибудь сверхъестественной помощи. Затѣмъ его ротъ освѣтился улыбкой; онъ тяжело переводилъ дыханіе; слезы, катившіяся по его щекамъ и застывавшія на бородѣ, доказывали, что онъ умиралъ съ глубокимъ отчаяніемъ. Онъ уже казался спящимъ, когда вдругъ послѣднее усиліе воли заставило его приподняться; его руки безпорядочно блуждали около пуговицъ.

— На французскую почту... — проговорилъ онъ, — письмо... письмо...

И онъ снова упалъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ переходилъ отъ агоніи къ смерти, какое-то странное радостное чувство—смѣсь любви, надежды, прощенія — разливалось по его лицу. Отпечатокъ боли исчезъ, остались лишь слѣды страданій, освѣщенные благородствомъ его души.

Между тѣмъ, живой товарищъ отдалъ умершему послѣдній долгъ. Снявъ у него съ плеча котомку и котелокъ, онъ разстегнулъ ему одежду и своими окоченѣвшими безчувственными пальцами ощупывалъ его грудь, удивляясь, что въ ней еще сохранилось столько те-

плоты. Сердце перестало биться, но лицо еще болѣе свѣтилось душевной красотою. Въ карманѣ оказались кошелекъ, записная книжка, говорившая объ особой заботливости капитана о своихъ солдатахъ, такъ какъ для каждаго рядового была отведена особая страничка. Верди снялъ крестъ Почетнаго Легіона, пришитый къ борту сюртука покойнаго, отшпилилъ три миніатюры, прикрѣпленныя къ внутренней сторонѣ жилета. Это были портреты: полковника королевской арміи, въ полной парадной формѣ, съ лентой св. Людовика, проглядывавшей изъ-подъ мундира, старой, напудренной дамы и очень молодой, очень красивой женщины, державшей на рукахъ маленькаго мальчика. Всѣ эти лица казались счастливыми, свѣтлыми, такъ какъ, безъ сомнѣнія, художникъ писалъ ихъ въ теплой комнатѣ или на залитой солнцемъ террасѣ замка, принадлежавшаго Маржерэ на берегу Луары.

Пока Верди сжималъ свои пальцы, чтобы удержать эти вещи, позади него остановился какой-то отсталый, весь въ лохмотьяхъ; жалкій, жадный, онъ угрюмо смотрѣлъ на него, ожидая поживы.

— Убирайся вонъ!—крикнулъ Верди, но, боясь, что бродяга потомъ вернется съ цѣлью ограбить трупъ и совершенно раздѣть его, онъ кинулъ ему котомку и котелокъ, какъ бросаютъ собакѣ кость. Тотъ поднялъ, осмотрѣлъ ихъ, колебался нѣкоторое время, но синица въ рукахъ показалась ему вѣрнѣе журавля въ небѣ, и онъ отправился въ дальнѣйшій путь.

Нѣсколько писемъ, связанныхъ между собою тесемками, наполняли котомку, въ бумажникѣ еще нашлось письмо, уже приготовленное къ отправкѣ. На немъ находился слѣдующій адресъ: «Г-жѣ де-Маржерэ, въ замокъ Сэнъ-Сатюръ, департаментъ Шеры».

Вѣроятно, объ этомъ письмѣ говорилъ Маржерэ въ послѣднюю минуту своей жизни, но Верди подумалъ, что, прежде чѣмъ писать о смерти друга его роднымъ, ему слѣдовало узнать, кто эти родные, и поэтому онъ, вскрывъ письмо, прочелъ его:

«Орша, 21-го ноября, 1812 г.

«Дорогая жена, наше движеніе совершается какъ нельзя лучше среди въ высшей степени величественной природы; мы идемъ вдоль Борисѳена, чудной рѣки, напоминающей Луару, но болѣе грандіозной. Когда солнце озаряетъ эти ледяныя равнины, восхищенному взгляду представляется зрѣлище, которымъ онъ не можетъ достаточно насладиться.

«Послѣ роковаго сраженія, лишившаго меня большей части моихъ людей, я иду съ третьимъ корпусомъ, состоящимъ подъ командой маршала Нея. Энергія этого генерала поразительна, и мы находимся въ прекрасныхъ рукахъ. Я не старался достать новой лошади, такъ какъ, отморозивъ себѣ ногу, мнѣ лучше идти пѣшкомъ. Не подумай, однако, что здѣсь суровый климатъ: напротивъ, послѣ

Смоленска онъ очень смягчился. Въ арміи все въ порядкѣ: продовольствіе, помѣщеніе, одежда, обувь—все заготовлено своевременно; однимъ словомъ, мы ни въ чемъ не чувствуемъ недостатка.

«Не вздумай тревожиться, дорогая жена, читая бюллетени изъ арміи: императоръ нарочно представляетъ все въ худшемъ видѣ, чтобы обмануть русскихъ. Въ дѣйствительности же мы находимся очень близко отъ нашихъ зимнихъ квартиръ и тамъ, восполнивъ наши потери, снова возобновимъ кампанію, покончимъ съ этими дикарями и вернемся домой обнять нашихъ женъ. Пиши мнѣ по слѣдующему адресу: «въ зимнія квартиры великой арміи». Разскажи мнѣ о нашемъ сынѣ. Надѣюсь, что теперь онъ уже можетъ читать мои письма. Говори съ нимъ объ его отцѣ, объ этой игрѣ въ войну, въ которой играютъ настоящими лошадьми и настоящими пушками; наконецъ, внуши ему, что и онъ, маленькій Эдгаръ, въ свою очередь станетъ солдатомъ и будетъ служить своей родинѣ. О, мой единственный другъ, мысль, что ты хорошо воспитываешь нашего ребенка, является для меня утѣшеніемъ въ горѣ — быть въ разлукѣ съ тобою... Но я не хочу жаловаться; нѣтъ, у меня нѣтъ повода къ жалобамъ»...

Письмо продолжалось въ томъ же родѣ, полное лжи, которую только можетъ продиктовать высшая любовь къ женщинѣ, также полное любви, надеждъ и, опять-таки, лжи, той лжи, которая скрашиваетъ жизнь. Верди залился слезами и не могъ кончить письма. Онъ въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на воина-мученика, убитаго императоромъ, и придалъ приличную позу для покойника человѣку, который сдохъ, какъ собака. Когда ему не удалось ни сомкнуть ему вѣкъ, ни закрыть его рта, такъ какъ русская зима окончательно ихъ заледенила, то онъ, по крайней мѣрѣ, уложилъ его на спину, чтобы онъ могъ созерцать небо, и скрестилъ ему на груди руки.

— Прощайте, капитанъ,—проговорилъ онъ, отдавая ему воинскую честь,—я понялъ и исполню ваше послѣднее приказаніе.

Взявъ съ собою дорогіе для покойнаго предметы, онъ пошелъ, борясь одновременно и съ усталостью, и съ горемъ. Теперь онъ былъ одинъ передъ лицомъ столькихъ невзгодъ!.. Вокругъ него ничего не измѣнилось, только темнота усилилась; въ вечернихъ сумеркахъ попрежнему виднѣлись тѣ же удалявшіеся всадники съ ихъ мрачными, грустными силуэтами, увѣнчанными блестящими касками. Тогда страшное, роковое величіе тѣхъ событій, жертвой которыхъ онъ сдѣлался, предстало предъ глазами Верди, просвѣтленными недавно пролитыми слезами. Онъ почувствовалъ безмѣрность своей слабости, безполезность быть храбрымъ и тщетность всѣхъ надеждъ...

— Нужно быть дикимъ звѣремъ, чтобы выбраться отсюда,—подумалъ онъ,—и я буду такимъ звѣремъ.

VIII.

Безспорно, нѣтъ ничего труднѣе для человѣка, какъ добровольно превратиться въ животное, и Верди, неустанно отмѣривая версты, тщетно пытался погрузиться въ забвеніе: на каждомъ шагу онъ сталкивался со всѣмъ ужасомъ своего положенія. Онъ благодарилъ бы Бога, если бы дѣйствительно чувствовалъ себя совершенно одинокимъ, какъ въ ту ночь, когда начались его несчастія. Но теперь это было одиночество на людяхъ, одиночество, полное жизни и движенія, но безъ припасовъ, безъ оружія, безъ пониманія происходящаго вокругъ. Затерянный среди безсвязной массы, отступавшей чуть не на край свѣта и сознававшей одно бѣгство, онъ испытывалъ то смутное отчаяніе, противъ котораго безсознательно борется заснувшій человѣкъ, когда вдругъ чувствуетъ, что онъ падаетъ и ни за что не можетъ удержаться. Затѣмъ, когда избытокъ тяжелыхъ впечатлѣній встряхивалъ его, онъ точно выпрямлялся въ своемъ собственномъ сознаніи и, видя всеобщій позоръ, сознавалъ себя солдатомъ, клялся, что пойдетъ въ бой и заставитъ враговъ убить себя; овладѣвшее имъ отвращеніе ко всему пробуждало въ немъ желаніе поскорѣе выйти изъ этого положенія, отважиться на что нибудь, спасти себя какимъ нибудь смѣлымъ поступкомъ. Однако, какъ спастись при общемъ лозунгѣ: «бѣги»?!!. Въ его воображеніи вырисовалось лицо маршала такое, какимъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ, въ сумеркахъ, подъ сѣнью лѣса. «Передайте мой приказъ генералу д'Энену соединиться со мною во что бы то ни стало», казалось, еще и теперь говорили эти повелительныя губы. Да, во что бы то ни стало онъ соединится съ нимъ, хотя добраться до него пѣшкомъ во сто разъ труднѣе, чѣмъ нагнать его верхомъ! А найдя его, онъ послѣдуетъ за нимъ на лошади, въ которой маршалъ не можетъ отказать человѣку, погибшему, исполняя его приказанія...

Онъ остановился у городскихъ воротъ Бобра и, повернувшись къ нимъ спиною, устремилъ свои глаза на дорогу; никакое обѣщаніе, никакая угроза, ни даже насиліе не могли бы заставить его покинуть этотъ постъ: прошелъ часъ, два... Медленное прохожденіе третьяго корпуса кончилось. Появился Ней: онъ слѣдовалъ за своими войсками или, лучше сказать, по обыкновенію, толкалъ ихъ впередъ.

— Маршалъ!.. осмѣлился проговорить Верди, побѣдивъ въ себѣ ложный стыдъ, чтобы показать свою рѣшимость говорить именно съ маршаломъ, а не съ кѣмъ либо другимъ; онъ безцеремонно сталъ посреди шоссе.

— Ну, что такое? — спросилъ Ней, котораго окликъ Верди вывелъ изъ охватившей его полудремоты.

— Имѣю честь явиться.

Хотя, благодаря цѣлой недѣлѣ страданій, щеки Верди провали-

лись, глаза покраснѣли, борода отросла, маршалъ узналъ въ немъ красиваго гусара, котораго недѣлю тому назадъ онъ замѣтилъ среди своего штаба.

— Напомните мнѣ вашу фамилію, мой другъ,—разсѣянно замѣтилъ онъ, не останавливая своей лошади.

— Верди,—господинъ маршалъ.—Это я...

— Да, да... Вы заблудились, какъ другіе. Ну, что же я могу вамъ сдѣлать?

«Одолжить мнѣ лошадь»,—хотѣлъ бы отвѣтить Верди, но, смущенный холодностью маршала, онъ не былъ въ состояніи произнести ни слова.

— Я ничего не могу сдѣлать,—рѣзко прибавилъ маршалъ.—Постарайтесь попасть въ одинъ изъ почетныхъ эскадроновъ, формируемыхъ герцогомъ Абрантесъ. Явитесь къ нему отъ моего имени. Ступайте, юноша: вы—одна изъ жертвъ войны.

Ускоривъ шагъ своей лошади и отвернувъ голову, Ней далъ понять, что покончилъ съ просителемъ, и тотъ, съ улыбкою на губахъ, но съ бѣшенствомъ въ сердцѣ, посторонился, чтобы пропустить свиту. Онъ вѣжливо отдалъ честь генералу Гурэ и молча смотрѣлъ, какъ весь штабъ проѣхалъ мимо него.

— Гдѣ Роберти? гдѣ Боннэ?—спросилъ онъ у подпоручика, замыкавшаго шествіе.

— Исчезли...—лаконически отвѣчалъ тотъ и, какъ остальные, удалился, направляясь къ той роковой Березинѣ, воды которой готовились поглотить весь этотъ человѣческій потокъ.

— Вотъ жертвуй собою для людей!—съ озлобленіемъ воскликнулъ Верди и, чувствуя себя погибшимъ, уничтоженнымъ, какъ будто всѣ эти всадники переѣхали черезъ его тѣло, онъ осмотрѣлъ себя съ головы до ногъ, пытаясь объяснить, вслѣдствіе какого недостатка въ костюмѣ онъ заслужилъ такое всеобщее пренебреженіе.

Видъ заржавѣвшихъ шпоръ оживилъ его бѣшенство.

— Шпоры? Къ чему мнѣ шпоры?—проговорилъ онъ и, отвязавъ ихъ отъ каблуковъ, швырнулъ на дорогу.

На улицахъ Бобра, покинутыхъ населеніемъ и, тѣмъ не менѣе, кишѣвшихъ народомъ, сновала странная толпа отсталыхъ, которые кутались въ занавѣси, юбки, церковныя ризы. Верди съ презрѣніемъ пробрался сквозь эту своеобразную маскарадную толпу. Онъ теперь полагалъ, что лучше всего поскорѣе добраться до Березины и, дождавшись тамъ авангарда, достать себѣ лошадь. Пока онъ еще колебался, на западѣ загремѣла артиллерійская пальба.

«Это дѣйствуетъ герцогъ Реджіо»,—подумалъ онъ и рѣшилъ отправиться въ Начу.

Выходя изъ Бобра, онъ догналъ и опередилъ какое-то странное низенькое существо, обратившееся къ нему пискливымъ голосомъ:

— Мы еще далеко отъ Вильны?—спросилъ его не человѣкъ, а какой-то обрывокъ человѣка.

Нагнувшись, Верди разсмотрѣлъ этого несчастнаго; онъ двигается на колѣняхъ, опираясь на маленькую палку, длиною не болѣе полуфута: его отмороженныя ноги волочились позади него.

— Нѣтъ, братецъ, очень близко,—отвѣчалъ изъ человѣколюбія офицеръ и прошелъ дальше, счастливый тѣмъ, что у него оставались еще двѣ ноги, которыя могли двигаться.

Его обгоняли верховые. Въ Начѣ курьеръ попросилъ его указать, гдѣ находится главная квартира, и взамѣнъ сообщилъ ему извѣстіе о взятіи Борисова французами, которые отбросили непріятеля на другой берегъ.

— Да здравствуетъ императоръ!—воскликнулъ Верди и, не переводя дыханія, пробѣжалъ цѣлыхъ четыреста саженъ.

Въ Лошницѣ онъ прошелъ сквозь аванпосты 9-го корпуса и не могъ понять, какимъ образомъ тутъ очутился маршалъ Викторъ, когда онъ долженъ былъ находиться на дорогѣ къ Петербургу. Онъ не зналъ, что Викторъ, разбитый на сѣверѣ, примкнулъ къ великой арміи, которая была теперь стиснута желѣзнымъ поясомъ.

IX.

24-го ноября, подъ вечеръ, онъ входилъ въ Борисовъ, гдѣ стояла кавалерія Удино. Разсѣявшись небольшими группами по дворамъ, солдаты спокойно убирали лошадей и оружіе.

«Въ добрый часъ!—подумалъ Верди:—вотъ полки... Ну, не было ли глупо съ моей стороны такъ волноваться!»

Охваченный новыми для него чувствами спокойствія и безопасности, онъ прежде всего подумалъ привести въ порядокъ свою внѣшность. Онъ остановился у какого-то жида, который выбрилъ его, вычистилъ ему одежду, смазалъ сапоги и продалъ ему перемѣну бѣлья, перчатки и пару громадныхъ позолоченныхъ шпоръ.

Все это придало ему новый видъ, хотя въ сущности за него говорило лишь одно его красивое лицо, которое уже не разъ сослужило ему хорошую службу, и на которое онъ разсчитывалъ теперь, задавшись мыслью достать себѣ лошадь.

Корпусъ Удино, овладѣвъ городомъ, захватилъ часть обоза арміи Чичагова, и каждый полкъ, сохранивъ свою часть добычи, былъ обремененъ повозками, лошадьми. Этимъ-то благопріятнымъ для него обстоятельствомъ Верди и рѣшилъ воспользоваться. Съ непринужденной улыбкой, онъ обратился къ первому встрѣтившемуся ему командиру эскадрона, съ краснымъ лицомъ, и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

— Вы говорите,—повторилъ послѣдній,—что являетесь отъ имени герцога Эльхингенскаго, чтобы достать себѣ лошадь, и не имѣете письменнаго предписанія? Гм!..

Онъ колебался, борясь между нежеланіемъ исполнить нѣчто невполнѣ законное и боязнью вызвать недовольство штабнаго офицера.

— Слѣдовало бы поговорить съ полковникомъ,—прибавилъ онъ.— Я прекрасно знаю, что теперь его нѣтъ здѣсь... Но я вѣдь ничѣмъ не командую...

— По крайней мѣрѣ, вы командуете вашимъ эскадрономъ... и даже очень хорошо, если судить по выправкѣ людей.

— Да, я командую эскадрономъ...—продолжалъ офицеръ съ еще большею нерѣшительностью:—но лошади принадлежатъ моему эскадрону.

Раздался сигналъ къ выступленію; нѣсколько солдатъ, держа лошадей подъ уздцы, выстроились позади командира; денщикъ принесъ ему саблю и латы; всѣ стояли, выжидая, когда ему заблагоразсудится прервать свой разговоръ.

— Я заплачу за лошадь,—вкрадчиво промолвилъ Верди.

— Двадцать луидоровъ?—возразилъ тотъ, плутовато прищуривъ глаза.

— Двадцать луидоровъ...

— Ну, чтобы доставить вамъ удовольствіе, я уступлю вамъ лошадь... Въ концѣ-концовъ намъ надоѣдаютъ всѣ эти одры и рыдваны. Теперь нельзя идти рысью: тащишься, точно въ обозѣ...

«Я нашелъ его Ахиллесову пяту»,—подумалъ Верди и, улыбаясь, крутилъ свой усъ, пока эскадронный командиръ, надѣвъ латы и вскочивъ въ сѣдло, сталъ медленно писать у себя на колѣнѣ крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ «приказъ адъютанту, завѣдывающему лошадьми второго эскадрона».

— Вотъ,—проговорилъ онъ, рѣзкимъ движеніемъ опуская руку.— Вы заплатите адъютанту. Имѣю честь кланяться, г. де-Верди.

И онъ прибавилъ, чтобы лучше оттѣнить свое превосходство надъ герцогомъ Эльхингенскимъ:

— Что касается меня, то я отдаю лишь письменныя приказанія.

Однако, онъ пропустилъ кое-что въ этомъ письменномъ приказѣ: онъ забылъ переименовать подробно, что слѣдовало дать вмѣстѣ съ лошадью, и Верди воспользовался этимъ промахомъ, чтобы заставить адъютанта выдать ему совершенно осѣдланную и взнузданную лошадь. Потомъ онъ надѣлъ русскую саблю, за которую заплатилъ только одинъ золотой, и совершенно выросъ въ собственномъ мнѣніи. Теперь онъ уже смѣло обмѣнивался взглядами съ офицерами удалявшагося кирасирскаго эскадрона подъ звуки трубъ.

«Русскіе теперь попляшутъ, и я имъ задамъ»... подумалъ онъ, спускаясь къ рѣкѣ, чтобы развѣдать на счетъ переправы.

Онъ проѣхалъ на удачу черезъ весь городъ, перерѣзанный подъ прямыми углами сѣтью узенькихъ улицъ. Повсюду искрилась легкая изморозь, но на темныхъ предметахъ по обѣимъ сторонамъ улицы отдыхали глаза, утомленные безконечнымъ миражемъ степи.

Онъ остановился передъ узкимъ деревяннымъ мостомъ, перекинутымъ на другой берегъ; съ боку моста можно было замѣтить большую черную брешь, очевидно, пробитую артиллеріей. Прямо на противоположной сторонѣ окопы, вооруженные орудіями, господствовали надъ французскимъ берегомъ.

«Русская позиція сильна, — подумалъ Верди и повернулъ обратно, вполнѣ увѣренный, что попытка перейти рѣку будетъ сдѣлана въ другомъ мѣстѣ.—«О! о! да ты никакъ патріотка!»—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что лошадь, удаляясь отъ русскаго лагеря, замедлила шагъ, и сильно пришпорилъ ее.

Лошадь пошла рысью, встряхивая и приводя въ восторгъ своего всадника.

«Она изъ рѣзвыхъ»,—подумалъ онъ и, рѣшивъ, что слѣдуетъ поберечь ее, снова пустилъ ее шагомъ.

Обернувшись къ городу, онъ натолкнулся на группу отсталыхъ, разспрашивавшихъ, гдѣ переправа, и подумавъ, что онъ одинъ найдетъ мѣсто переправы, свернулъ въ сторону и двигался точно на рекогносцировкѣ, держась правой руки.

Вокругъ него лѣсъ, одѣтый инеемъ, протягивалъ высоко къ небу свои сплетшіяся въ фантастическій узоръ вершины. Подвигаясь замедленнымъ шагомъ, гусаръ пронизывалъ глазами эту подвижную занавѣсь изъ боязни, чтобы подозрительныя черныя точки не появились вдругъ на свѣтломъ фонѣ.

Дорога была вымощена точно сросшимися между собою кругляками; мѣстами они образовали выбоины и защемляли между собою копыта лошади; сгнившія фашины заполняли рытвины; опасные импровизированные мосты были перекинуты черезъ попадавшіеся по пути рвы. По этой аллеѣ уже проѣхала кавалерія и, къ тому же, многочисленная, такъ какъ затвердѣвшая и покрытая отпечатками копытъ грязь, казалось, вся была изрыта подковами. Но нигдѣ не было замѣтно слѣдовъ человѣческихъ ногъ; слѣдовательно, впереди не было пѣхоты, если только она не прошла послѣ заморозковъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь не могла пройти артиллерія; эта дорога не была создана для нея.

«Однимъ словомъ, я не на пути къ переправѣ»,—рѣшилъ онъ и уже подумывалъ о возвращеніи, какъ впереди прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ.

— Орудія могли пройти другой дорогой,—замѣтилъ онъ и, вспомнивъ, что наканунѣ стрѣляли въ этомъ же направленіи, не колебался болѣе и поѣхалъ быстрѣе.

При выходѣ изъ лѣса дорога свернула вправо; лошадь, почуявъ близость Березины, заржала и пошла бодрѣе. По сторонамъ стояло нѣсколько избъ, полузакрытыхъ деревьями; надъ ихъ дымящимися трубами, говорившими о мирной, тихой жизни, вырисовывались очертанія возвышенности, темной линіей разрѣзавшей небо. Ближайшій

высокій берегъ разстилался горизонтально, прикрывая собою болѣе низкій, противоположный берегъ. Лишь голубоватый прозрачный туманъ выдавалъ присутствіе въ этомъ мѣстѣ рѣки.

Два орудія, не видимыя, какъ и воды рѣки, повременамъ стрѣляли картечью, производя трескъ въ кустарникахъ противоположнаго берега; вблизи маленькій отрядъ французскихъ солдатъ окружалъ груду толстыхъ досокъ, сложенныхъ посреди поля. Завидя ихъ, Верди взялъ правѣе и поскакалъ по полю.

Два офицера, одинъ артиллеристъ, другой саперъ, поспѣшили къ нему на встрѣчу. Но они еще менѣе его были знакомы съ мѣстностью, и всѣ вмѣстѣ отправились на берегъ рѣки.

— У меня ничего нѣтъ ни въ зарядныхъ ящикахъ... ни въ моемъ чемоданѣ... — сказалъ по дорогѣ артиллеристъ, хлопая себя по животу и громко смѣясь. — Я здѣсь долго не останусь.

Вмѣсто всякаго отвѣта саперъ — низенькій, желтый, непріятный на взглядъ — пожалъ плечами и произнесъ какъ бы про себя:

— У меня есть доски и гвозди... Я могу построить клѣтку для куръ, но не мостъ...

— Чего ты жалуешься? Ты можешь снести всѣ сосѣдніе дома для матеріала...

— Мнѣ кажется, русскимъ будетъ не трудно выдвинуть тамъ артиллерію, — замѣтилъ Верди, указавъ пальцемъ на противоположный берегъ.

Саперъ снова пожалъ плечами.

— Хорошо ли вы увѣрены, что переправа состоится здѣсь? — настаивалъ Верди.

Оба офицера стали увѣрять, что это не подлежало сомнѣнію, и, усѣвшись на берегу рѣки, закурили трубки. Тоненькая струйка воды бѣжала, извиваясь, среди льда. Вскорѣ на противоположномъ берегу показался рядъ орудій, скрывавшійся мгновеніями позади деревьевъ; а черезъ нѣсколько времени русскіе выстроили батарею въ 6 пушекъ, но не стрѣляли.

Безпрерывный приливъ отсталыхъ поддерживалъ офицеровъ въ ихъ заблужденіи, и они терпѣливо ждали прибытія войскъ, запоздавшихъ только, какъ они думали, вслѣдствіе препятствій, встрѣченныхъ въ лѣсу. Около трехъ часовъ они услышали нѣсколько залповъ въ сѣверномъ направленіи. «Это очень далеко», замѣтили они и успокоились, такъ какъ въ раздробленной и далеко разбросанной арміи не стоило обращать вниманія на всѣ выстрѣлы, произведенные тою или другою стороною. Между тѣмъ Верди тщательно осматривалъ свою лошадь. «Славный драгунскій конь!» — проговорилъ онъ и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что она была подкована на шипы.

— Совсѣмъ было бы другое дѣло, еслибъ въ нашей арміи всѣ лошади были подкованы позимнему, — проговорилъ онъ, опуская ногу лошади.

Саперъ задумчиво кивнулъ головою.

— Да,—отвѣчалъ онъ, прищуривъ глаза.—Что дѣлать! Иногда императоръ забываетъ объ очень важныхъ вещахъ...

Приближеніе ночи сильнѣе встревожило ихъ. Отсталые, очень равнодушно относившіеся къ вопросу о переправѣ и думавшіе лишь о пищѣ, мало-по-малу исчезли. Въ сторонѣ Борисова и на востокѣ виднѣлись полосы свѣта, но таинственный пологъ лѣса задерживалъ всѣ звуки, поддерживалъ вокругъ офицеровъ безмолвную тишину.

— Можетъ быть, войска съ трудомъ прокладываютъ себѣ дорогу,—замѣтилъ наконецъ артиллеристъ.

— Мы бы слышали стукъ,—возразилъ саперъ.

Непреодолимое желаніе спать овладѣло Верди и отвратило его отъ этихъ важныхъ вопросовъ. Онъ направился къ опустѣвшимъ хижинамъ вдоль дороги и, найдя сарай, полный сѣномъ, забрался туда и, растянувшись, вскорѣ заснулъ. Когда онъ проснулся, то не понялъ сначала, гдѣ находился.

— А вотъ я гдѣ... — подумалъ онъ, увидѣвъ рѣку, на которой двигался ледъ: — это Березина...

Небо было чисто; гонимыя вѣтромъ льдины тихо скользили по теченію, унося съ собою колеса, повозки, доски, всевозможные обломки. Наконецъ, приблизилось что-то продолговатое, напоминавшее чурбанъ: это былъ трупъ. Вслѣдствіе какого-то столкновенія, онъ повернулся и поплылъ по рѣкѣ ногами впередъ. Такимъ образомъ, это человѣческое тѣло указывало Верди на опасность, призывало его къ сознанію истиннаго положенія вещей.

— Такъ значитъ... переправляются выше!—воскликнулъ онъ и нѣсколько мгновеній оставался неподвиженъ, собираясь съ мыслями, борясь съ самимъ собою.

«Быть можетъ, мнѣ уже отрѣзанъ путь къ отступленію»,—подумалъ онъ въ концѣ концовъ, и такъ какъ каждая лишняя минута усиливала опасность, то онъ бросился сѣдлать лошадь, окоченѣвшую, усталую.

Хотя онъ ничего не зналъ о своей арміи, но чувствовалъ, что она на сѣверѣ, и потому ему слѣдовало вернуться назадъ. Онъ пустилъ лошадь рысью и предоставилъ ее своему инстинкту, только пришпоривая ее по временамъ.

Неожиданно на небѣ появился странный метеоръ; это была звѣзда, направлявшаяся отъ зенита къ сѣверу, оставляя позади себя золотистый слѣдъ.

Выѣхавъ на шоссе, онъ наткнулся на французскій аванпостъ. Онъ не зналъ лозунга и его арестовали...

Препровожденный подъ конвоемъ къ командиру отряда, онъ еще издали узналъ его по высокой фигурѣ и сѣдымъ волосамъ, развѣвавшимся вокругъ ушей. Это былъ генералъ Партуно.

— Ну-съ, поручикъ, вы привезли мнѣ приказанія?—спросилъ онъ, нѣсколько выпрямляясь.

— Нѣтъ, генералъ, напротивъ, я являюсь за приказаніями.

— Хорошо, хорошо, оставайтесь со мною,—возразилъ старикъ.— Мнѣ не хватаетъ офицеровъ, имѣющихъ лошадей...

Онъ снова принялъ свою прежнюю позу и погрузился въ легкую дремоту.

Роль, предоставленная въ Березинской катастрофѣ дивизіи Партуно, какъ извѣстно, была самая роковая. Находясь въ двухъ миляхъ отъ мѣста, выбраннаго для переправы черезъ Березину, она обращала на себя всѣ усилія русскихъ войскъ, продолжавшихъ смыкаться вокругъ французскихъ колоннъ; она являлась точкой соединенія трехъ боевыхъ массъ, состоявшихъ подъ командой Чичагова, Витгенштейна и Кутузова. Уже великая армія, пользуясь двумя жалкими мостами, перекинутыми 26 ноября у Студянки, выбралась изъ роковыхъ тисковъ, но позади нея эти тиски, все суживаясь, грозили сдавить въ смертельное объятіе четыре тысячи людей, скученныхъ на этомъ бивуакѣ.

X.

Что касается Верди, то этотъ историческій день не могъ быть для него ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ обыденныхъ служебныхъ дней въ боевой жизни солдата, ознаменованныхъ усталостью, скукою, голодомъ.

Около шести часовъ утра генералъ Партуно послалъ его съ приказаніями въ арьергардъ.

— Поручикъ, отправьтесь-ка къ генералу Бламону. Передайте ему, что пора сжечь мостъ черезъ Сху и мельницу.

— Слушаю, генералъ. Прикажете остаться при генералѣ Бламонѣ?

— Да, останьтесь... Ясно скажите ему: сжечь мостъ и мельницу... Я всю ночь продумалъ объ этомъ.

Луна только что зашла, и хотя заря была уже близко, но появленіе дня возвѣщалось удвоенной темнотою. Изъ благоразумія Верди пошелъ рядомъ со своею лошадью, часто нащупывая землю носкомъ ноги, и, только свыкшись съ окружавшей его мглой, вскочилъ въ сѣдло.

Онъ достигъ своей цѣли, когда звѣзды уже начали блѣднѣть. Позади него слышались голоса, производившіе перекличку, заглушаемые барабаннымъ боемъ. Обѣ первыя бригады шли къ рѣкѣ, а третья, съ генераломъ Бламономъ, оставалась на бивуакѣ. Около восьми часовъ въ сторонѣ города послышалась ружейная стрѣльба, а на сѣверѣ загрохотали пушки: это Чичаговъ дѣйствовалъ противъ Партуно въ Борисовѣ и Витгенштейнъ—противъ Виктора въ Студянкѣ. Верди не только не прислушивался къ этимъ звукамъ, онъ

даже не слышалъ ихъ; онъ просто присутствовалъ при исполненіи привезеннаго имъ приказанія. Маленькая мельница постепенно разрушалась въ пламени; ледъ вокругъ таялъ, ледяныя сосульки, повисшія у ковшовъ, превращались въ воду, падавшую сильнымъ дождемъ; вдругъ освобожденное колесо повернулось подъ костромъ, точно приготовляясь молоть. Что касается моста, который тоже слѣдовало разрушить, то Бламонъ еще колебался: онъ все не рѣшался окончательно отрѣзать отъ арміи отсталыхъ, продолжавшихъ двигаться безпрерывнымъ потокомъ; наконецъ, въ полдень онъ исполнилъ приказаніе и, оставивъ позади себя горѣвшій мостъ, вошелъ въ Борисовъ, чтобы смѣнить Партуно, который только что оставилъ его и направился къ Студянкѣ, думая, что послѣ такого жаркаго и кроваваго утра Чичаговъ совершенно устраненъ. Однако, мостъ, сожженный 23-го числа, былъ вновь возстановленъ, и русскіе массами переходили черезъ него, по мѣрѣ того, какъ Партуно отступалъ. Улицы города не замедлили закипѣть новымъ боемъ, который Бламонъ поддерживалъ до самой ночи.

Онъ, въ свою очередь, выступилъ изъ города и съ полмили прошелъ по слѣдамъ дивизіи Партуно; но потомъ, чувствуя за собою погоню казаковъ, остановился и выбралъ себѣ позицію вправо отъ дороги, на возвышенности. Онъ расположилъ батальонъ майора Жуайе фронтомъ къ Борисову; а главныя силы бригады стали тыломъ къ городу, имѣя передъ собой Студянку. Вдали ясно было видно, какъ Партуно схватился съ аванпостами Витгенштейна; артиллеріи удалось укрѣпиться на возвышенности, и оттуда нѣсколько орудій стрѣляли въ густые ряды русскихъ войскъ, сливавшіеся съ сплошною массою лѣсовъ.

Партуно видимо стремился къ востоку; онъ хотѣлъ подняться на возвышенность, чтобы быть на одномъ уровнѣ со своимъ противникомъ. Хотя онъ зналъ, что маршалъ Викторъ стоитъ передъ мостами для прикрытія арьергарда и хвоста арміи, но думалъ, что прямая дорога къ нему была преграждена, а потому слѣдовало искать выхода на правомъ флангѣ. Въ этой-то сторонѣ онъ и рѣшился попытать счастья съ удивительной смѣлостью, но тяжелой неудачей.

Верди былъ возлѣ генерала Бламона. Оба, насквозь прохваченные холодомъ, топали ногами и похлопывали въ ладоши. Вдругъ ординарецъ, котораго они видѣли нѣсколько мгновеній мелькавшимъ среди сумерекъ, приблизился къ нимъ и крикнулъ, что генералъ Партуно приказалъ послать батальонъ «впередъ на правый флангъ». Затѣмъ онъ повернулъ лошадь и ускакалъ, ничего не прибавивъ, ничего не выслушавъ.

— Какъ такъ, на правый флангъ? Зачѣмъ туда? — сказалъ съ неудовольствіемъ Бламонъ и просто приказалъ Верди двинуть впередъ батальонъ майора Жуайе.

Этотъ отрядъ одинъ уцѣлѣлъ изъ всѣхъ войскъ, находившихся

подъ командой Бламона, такъ какъ, дойдя до поворота въ Старый Борисовъ, Жуайе вздумалъ взять влѣво, попалъ въ лѣсъ, проблуждалъ всю ночь и, выбравшись изъ него утромъ, наткнулся на войска Виктора.

Спустя полчаса, Бламонъ, по собственному почину, двинулся съ мѣста. Когда онъ выходилъ на покрытую рытвинами, ничѣмъ не защищенную дорогу, его быстро обогналъ эскадронъ саксонскихъ гусаръ, забытыхъ приказами объ отступленіи. На перепутьи двухъ дорогъ стояло одно орудье съ направленнымъ на Борисовъ жерломъ; имъ командовалъ поручикъ, сильно встревоженный и не имѣвшій никакихъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ.

— Дорога вправо, навѣрно, ведетъ къ рѣкѣ,— замѣтилъ Верди, прислушиваясь къ доносившемуся оттуда шуму отъ катящихся повозокъ.

— У насъ нѣтъ выбора, — отвѣчалъ генералъ и, не колеблясь, свернулъ вправо, въ ту сторону, гдѣ кипѣла битва.

Пройдя съ четверть мили, они наткнулись на дивизію Партуно, скученную въ оврагѣ, надъ которымъ господствовала русская артиллерія, и изъ котораго она не могла выбраться. Въ это самое время Партуно, полагая попрежнему, что спасеніе направо, карабкался на возвышенность съ нѣсколькими сотнями людей и прямо шелъ на гибель. Позади его оставалась масса отсталыхъ, которые безсмысленно, лежа на землѣ, умирали огуломъ отъ непріятельскаго огня и мороза. Такимъ образомъ Бламонъ привелъ своихъ солдатъ не для борьбы, а лишь для увеличенія безжалостной, безсмысленной рѣзни.

Офицеры одни стояли среди этихъ распростертыхъ на землѣ солдатъ и въ полголоса говорили между собою о капитуляціи. Какой-то капитанъ, прискакавшій верхомъ, увеличилъ еще общую панику, объявивъ, что оба моста у Студянки горятъ, и что отступленіе немыслимо. Верди вызвался, чтобы провѣрить это извѣстіе.

Ослѣпленный поднявшейся вьюгой и пригнувшись къ шеѣ своей лошади, онъ выбрался изъ оврага и кое-какъ достигъ до края возвышенности. Оттуда онъ увидѣлъ на западѣ красноватый отблескъ, слѣды пожара, уничтожавшаго мосты. Въ той же сторонѣ слышалась артиллерійская стрѣльба; ближе, подъ деревьями, мелькали отдѣльные огоньки, до того неожиданные по своимъ вспышкамъ, что можно было бы принять ихъ за свѣтъ одного и того же факела, незамѣтно переносимаго съ мѣста на мѣсто.

Онъ вернулся обратно. По дорогѣ что-то тяжелое пронеслось у него надъ головою, съ силою разрѣзавъ воздухъ; онъ понялъ, что это ядро, и «поклонился», словно новобранецъ. Ясно было, что по ту сторону рѣки расположена русская батарея, неустанно стрѣлявшая по остаткамъ отряда, скученнаго въ оврагѣ. Онъ обернулся, чтобы разглядѣть ее, но ничего не замѣтилъ и только на небѣ увидѣлъ широкое зарево — отблескъ бивуачныхъ огней.

— Это армія,—проговорилъ онъ.—Куда только идетъ она — на Вильну или на Минскъ?

Этотъ вопросъ, однако, не представлялъ особеннаго интереса, и онъ вернулся къ роковому оврагу, поразившему его своимъ безмолвіемъ. Бламонъ приказалъ развести на краю дороги небольшой костеръ и тщательно сжигалъ на немъ орлы шести полковъ. Это было вызвано прибытіемъ парламентера, объявившаго, что Партуно взятъ въ плѣнъ, и что на возвышенности стоятъ три соединенныя русскія арміи. Наступила минута сдачи.

Верди подошелъ къ генералу и попросилъ предоставить ему свободу дѣйствія.

— Предоставить вамъ свободу?... — иронически повторилъ Бламонъ.— Ступайте, но хорошенько берегите вашу свободу...

Оставался еще одинъ исходъ—переправиться черезъ Березину вплавь. Верди сталъ спускаться по уклонамъ, осторожно, остерегаясь ямъ. Онъ ничѣмъ не оріентировался, задавшись лишь одною мыслью— спускаться и спускаться, увѣренный, что тамъ, внизу, онъ найдетъ рѣку. Вѣтеръ крѣпчалъ. Быть можетъ, рѣка снова станетъ, и весь сложный вопросъ о переправѣ будетъ рѣшенъ простымъ пониженіемъ температуры. Но онъ наткнулся на болото, по ту сторону котораго свѣтились и катились воды рѣки. Достаточно было этого одного препятствія, чтобы охладить его энергію. Онъ снова впалъ въ то пассивное отчаянье, которому такъ часто поддавался со времени смерти «Консула».

Однако, онъ вдругъ вспомнилъ о Маржерэ и его совѣтахъ всегда «надѣяться» и снова двинулся впередъ.

Вскорѣ онъ наѣхалъ на расположившихся бивуакомъ отсталыхъ, въ которыхъ призналъ артиллеристовъ. Онъ спросилъ ихъ, гдѣ ихъ полки, но они отказались отвѣчать. Впрочемъ, они казались не опасными и неспособными напасть на вооруженнаго офицера; лошадь тоже не могла соблазнять ихъ, такъ какъ они были сыты и тащили за собою цѣлыя туши жаренаго мяса. Руководствуясь этими соображеніями, Верди разсѣдлалъ лошадь и привязалъ къ дереву. Затѣмъ, оттолкнувъ одного изъ спящихъ, онъ силою занялъ мѣсто у костра и тотчасъ заснулъ.

На разсвѣтѣ шумъ битвы разбудилъ его.

— Какимъ образомъ еще могутъ сражаться на этомъ берегу?— спросилъ онъ самого себя и, тотчасъ же поддавшись надеждѣ, что, быть можетъ, еще не вся армія перешла на тотъ берегъ, поспѣшно выбрался изъ лѣса и достигъ возвышенности.

По мѣрѣ того, какъ онъ поднимался, онъ все шире окидывалъ взглядомъ долину Березины; передъ нимъ открывались постепенно противоположныя возвышенности съ залитыми солнцемъ гребнями, низкій берегъ, наконецъ, рѣка — блѣдная извилистая лента — и на ней два черныя загражденія, близкія одно къ другому, наполненныя двигавшимися черными точками.

— Мосты!—крикнулъ онъ во весь голосъ,—мосты не сожжены!

Онъ рванулся впередъ, опьянѣвъ отъ радости и надежды. Однако многочисленные непріятельскіе патрули объѣзжали окрестности, и повсюду казацкія пики придавали кустамъ щетинистый видъ. Деревня Студянка, едва видимая изъ-за густыхъ облаковъ дыма, была очевидно центромъ жаркаго боя, а Верди необходимо было держать путь на Студянку. Онъ не думалъ ни о чемъ и продолжалъ нестись галопомъ. Вдругъ его лошадь поскользнулась всѣми четырьмя ногами, и онъ едва удержался въ сѣдлѣ.

— Гопъ! Консулъ! Гопъ! Мосты не сожжены!

И двумя ударами шпоръ онъ снова пустилъ лошадь прежнимъ аллюромъ. Вдругъ онъ замѣтилъ, что скачетъ позади отряда казаковъ, растянувшагося на большое разстояніе и тоже направлявшагося къ Студянкѣ; нѣсколько далѣе ручей, протекавшій справа налѣво, перерѣзалъ ихъ общую дорогу. Черезъ ручей былъ перекинутъ маленькій мостикъ, доступъ къ которому былъ прегражденъ сильною ружейною стрѣльбою. Не давая себѣ яснаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и видя только, что казаки бросились въ атаку, онъ пригнулся къ лукѣ, обнажилъ саблю и полетѣлъ впередъ, прокладывая себѣ дорогу чрезъ толпу враговъ. Онъ уже думалъ, что обогналъ ихъ, какъ вдругъ сильный ударъ въ плечо заставилъ его нагнуться; сабля выпала у него изъ рукъ, и онъ, ошеломленный, упалъ на шею лошади. Не понимая еще, что съ нимъ случилось, но вполнѣ чувствуя опасность, онъ выпрямился, выхватилъ пистолетъ и хотѣлъ выстрѣлить въ растрепанную голову, показавшуюся возлѣ него съ правой стороны.

Онъ спустилъ курокъ, но выстрѣла не послѣдовало.

— Осѣчка! — подумалъ онъ,—я погибъ...

Въ ту же минуту лошадь, сразу остановленная на всемъ скаку, снова заставила его упасть къ ней на шею.

Мохнатый рукавъ протянулся къ его поводьямъ; костлявое лицо, обрамленное бородою и сѣдыми волосами, улыбалось ему широкою улыбкою, обнаруживавшею подъ приподнятою верхнею губою острые, неровные зубы.

Былъ ли пистолетъ Верди силою выхваченъ у него, или же онъ самъ, по слабости, выронилъ его, но только это безполезное оружіе очутилось на землѣ; въ то же время онъ почувствовалъ въ плечѣ жгучую боль, постепенно распространявшуюся внизъ по рукѣ, и кровь заструилась вдоль его пальцевъ.

— Вотъ ты и въ плѣну, братъ-мусью,—сказалъ казакъ и, вытащивъ изъ кармана веревку, крѣпко привязалъ захваченную лошадь къ своему собственному сѣдлу.

— Взятъ и раненъ, понимаю—думалъ Верди, оправляясь постепенно отъ изумленія. — Плѣнный... значитъ, я не перейду черезъ рѣку... Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что этотъ дикарь не перерубилъ мнѣ артеріи...

Онъ посмотрѣлъ прежде на горячія капли крови, убѣгавшія за ободки ногтей, а потомъ на окровавленное остріе пики. Казакъ уловилъ этотъ взглядъ и, перевернувъ пику, съ явнымъ выраженіемъ отвращенія, торопливо вытеръ ее о снѣгъ. Между тѣмъ толпа его товарищей удалялась и исчезала, смѣшавшись съ другими частями передвигавшихся войскъ. Слѣдуя въ ихъ хвостѣ и доѣхавъ до мостика, казакъ пустилъ обѣихъ лошадей галопомъ. Далѣе они обогнули Студянку, и Верди пришлось увидѣть постепенно три русскія колонны, выстроившіяся передъ войсками Виктора, которыя, стоя тыломъ къ деревнѣ и развернувшись полукругомъ, не были въ силахъ удержать всю позицію и тяготѣли къ сѣверу, не имѣя никакой точки опоры. Русская батарея наблюдала за свободнымъ пространствомъ, остававшимся между лѣвымъ французскимъ флангомъ и рѣкою; рядомъ съ этою батареею, по собственному почину, занялъ мѣсто казацкій отрядъ, въ хвостѣ котораго скакалъ Верди. Увлекаемый лошадью, несшеюся на привязи, онъ догналъ казаковъ, въѣхалъ въ ихъ ряды и затерялся среди нихъ. Тогда-то онъ снова увидѣлъ рѣку, и передъ его глазами разыгралась самая ужасная сцена роковой драмы, именно ея страшная развязка: конецъ перехода черезъ Березину.

На всемъ пространствѣ отъ деревни до берега обширная равнина кишѣла человѣческими существами. Отсталые, дезертиры, женщины, повозки, животныя — вся эта масса въ безпорядкѣ неслась къ мостамъ и, находя доступъ къ нимъ прегражденнымъ, поворачивала, хотѣла вернуться обратно, взять въ сторону, уйти куда нибудь; но на нее напирали новыя толпы, и общее смятеніе усиливалось. Такимъ образомъ, пока регулярныя войска направлялись къ Франціи по доскамъ, перекинутымъ черезъ рѣку генераломъ Эбле, пока этотъ человѣческій потокъ преодолѣвалъ препятствіе, воздвигнутое ему стихіей, подонки арміи останавливались у встрѣченной преграды и бродили въ своемъ соку. Вся эта масса была до того плотно скучена, что общій видъ ея, самъ по себѣ, не заключалъ въ себѣ ничего ужаснаго, и только стоны и вопли, дрожавшіе въ воздухѣ, выдавали всю силу ея страданій. Однако многіе пытались спастись во что бы то ни стало: одни — шли на проломъ, не смотря на усилія часовыхъ; другіе бросались въ рѣку совершенно нагіе, и ихъ красныя тѣла боролись съ водою, напоминавшею по цвѣту чернила; третьи взбирались на льдины и, упавъ съ нихъ, барахтались въ водѣ. Березина, переполненная трупами, казалась адскимъ котломъ, въ которомъ варятся грѣшники. Но если кто нибудь и достигалъ послѣ сверхъестественныхъ усилій праваго берега, то тамъ заграждали дорогу оставшіяся безъ всадниковъ и сѣдоковъ лошади; въ упряжи, безъ упряжи, съ волочащимися позади нихъ оглоблями, онѣ тѣсно прижимались другъ къ другу, образуя непроницаемую преграду. Прогоняемые людьми, не пропускаемые животными, несчастные рѣшались

тогда умереть; они кончали съ собою выстрѣлами изъ пистолетовъ, прокалывали себя штыками, бросались снова въ воду съ широко раскрытымъ ртомъ и закрытыми глазами.

Вдругъ русская батарея, подлѣ которой находился Верди, открыла огонь. Ядра свистѣли, бороздили это человѣческое поле, и вырываемыя ими жертвы съ глухимъ шумомъ валились въ рѣку...

Верди не могъ выдержать этого зрѣлища. Не размышляя, не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило, онъ полагалъ, что гибла вся французская армія. Онъ не чувствовалъ болѣе своихъ страданій и ощущалъ лишь позоръ, дотолѣ неизвѣстный французскому знамени. Мысль объ этомъ величайшемъ безчестіи все болѣе и болѣе овладѣвала его помутившимся умомъ, и онъ приближался къ тому крайнему напряженію печали, за предѣлами котораго человѣкъ впадаетъ въ безуміе; соскользнувъ съ лошади, онъ упалъ и бился о снѣгъ, ломая себѣ руки. Рѣдко на долю одного человѣка выпадаетъ несчастье ощущать на себѣ всю тяжесть общаго бѣдствія, бичующаго весь міръ; рѣдко все, что есть въ войнѣ жестокаго, неправаго, рокового, обрушивается на одну, единичную совѣсть.

Неожиданно возникла новая опасность, которая могла оказаться спасеніемъ: промерзлая земля зазвенѣла отъ паденія ядра, прилетѣвшаго неизвѣстно откуда — съ неба или съ земли. Удивленный, почти радостный, онъ выпрямился и увидѣлъ, что по ту сторону рѣки, на возвышенности, влѣво отъ лѣса, въ который врѣзывалось шоссе, выстроилась и открыла огонь французская батарея. Орудійная прислуга суетилась вокругъ своихъ пушекъ, на ея мохнатыхъ шапкахъ развѣвались красные султаны: это была гвардейская конная артиллерія. Значитъ, гвардія перешла, императоръ перешелъ, армія продолжала идти къ своимъ зимнимъ квартирамъ; всѣ тѣ, которые виднѣлись на другомъ берегу, были спасены...

— Дайте мнѣ оружіе! — кричалъ онъ, — не мѣшайте мнѣ убить себя! Убейте меня сами!.. Я достаточно страдалъ!..

Объясняя жестомъ свою просьбу о смерти, онъ раскрылъ свой долманъ, разстегнулъ рубашку и обнажилъ свою грудь, уставшую дышать. Но ни одинъ изъ казаковъ не оказалъ ему просимой милости; онъ звалъ, обращаясь къ тому берегу, туда, гдѣ еще была Франція, затѣмъ прошелъ нѣсколько шаговъ, куда глаза глядѣли, и вернулся, не отыскавъ выхода, закрытаго со всѣхъ сторонъ. Но тутъ смерть какъ бы услышала его зовъ; истекая кровью, онъ впалъ въ забытье, котораго не могли нарушить ни стрѣльба сосѣдней батареи, ни отдаленный шумъ битвы.

Когда онъ пришелъ въ себя, Студянка продолжала дымиться; сраженіе на правомъ берегу происходило такъ далеко, что его не было видно; вѣтеръ дулъ уже съ сѣвера, и ничего болѣе не было слышно.

— Гдѣ я? — спросилъ онъ, приподнявшись, и оправилъ свою одежду, только что обшаренную казаками.

Лицо казака, ранившаго его, съ любопытствомъ склонилось надъ нимъ; онъ не узналъ его. Боль въ рукѣ заставила его вспомнить о ранѣ и о случившихся событіяхъ. Снова онъ посмотрѣлъ туда, за рѣку, въ сторону Франціи. Тамъ, на полянѣ, уже не было артиллеристовъ, все было кончено: великая армія перешла черезъ Березину. Точно для того, чтобы отмѣтить конецъ этого рокового событія, пошелъ снѣгъ, густой, мягкій, беззвучный, застилавшій саваномъ всѣхъ умершихъ.

Верди понялъ теперь планъ императора: демонстрація въ Ухолодѣ, переходъ здѣсь, преднамѣренное принесеніе въ жертву дивизіи Партуно, роль охранителя, до конца выдержанная Викторомъ. И чѣмъ онъ яснѣе понималъ все это, тѣмъ сильнѣе страдалъ. На глазахъ его показались слезы, слезы солдата и человѣка съ сердцемъ. А казакъ, попрежнему склонившись надъ нимъ, смотрѣлъ на него съ нѣжнымъ сочувствіемъ и, улыбаясь его слезамъ, указывалъ ему пальцемъ на небо.

XI.

На слѣдующій день многочисленные отряды плѣнныхъ отправились изъ Борисова по всѣмъ направленіямъ. Въ одномъ изъ нихъ, состоявшемъ изъ ста человѣкъ, направляемыхъ въ Харьковъ, находился Верди съ казакомъ, который добровольно превратился въ его тѣлохранителя. Его звали Михайлой, и, хотя у него не было никакого чина, но товарищи уважали въ немъ его старость и повиновались ему.

Каждый день отрядъ, поѣвъ каши, покидалъ ночлегъ въ семь часовъ утра; вечеромъ, остановившись, ужинали; повсюду пристанищъ было довольно, хозяева были сострадательны, мирный сонъ продолжался до утра. Послѣ столькихъ страданій эта правильная жизнь, при всемъ ея уныломъ однообразіи, представлялась Верди не лишенною счастья. Его рана закрылась, и онъ считалъ ее зажившею. Такъ какъ у него отняли только деньги, бывшія въ карманахъ, то онъ съ удовольствіемъ ощупывалъ у себя за поясомъ кошелекъ, надолго обезпечивавшій ему пищу, питье и одежду. Онъ сильно скучалъ отъ невозможности говорить на своемъ родномъ языкѣ, но, въ концѣ концовъ, среди рядовъ поляковъ и пруссаковъ замѣтилъ гусара своего полка, котораго сначала не узналъ. Дѣйствительно, этотъ жалкій, сгорбившійся, обезображенный человѣкъ, этотъ инвалидъ, почернѣвшій отъ дыма бивуачныхъ огней, мало напоминалъ красиваго восемнадцатилѣтняго юношу-рекрута, поступившаго въ полкъ за два дня до перехода черезъ Нѣманъ. Его, покрытыя морщинами, сблизившіяся вѣки закрывали его голубые глаза;

одни лишь зубы, блестѣвшіе ослѣпительной бѣлизною среди рта, носившаго слѣды страданій, говорили объ его молодости и здоровьи. Пышный широкій плащъ изъ розовой шелковой матеріи, затканной серебромъ, который онъ выкроилъ изъ какого нибудь бальнаго платья, скрывалъ его разорванную форменную одежду. Онъ не переставалъ стонать и плакать.

— У меня былъ славный маленькій конь, поручикъ. Онъ везъ мои пожитки, хлѣбъ и двѣ бутылки рома...

При воспоминаніи объ этихъ двухъ бутылкахъ новые стоны прервали его рѣчь: онъ задыхался отъ горя.

— Ну, Малье, не убивайся... не думай о своемъ конѣ. У меня тоже отняли лошадь... Значитъ, тебя взяли передъ мостомъ, какъ и другихъ?

— Да, поручикъ.

— А почему ты не перешелъ черезъ рѣку?

— Я хотѣлъ перейти, но на берегу столько костровъ... Другіе тоже не переходили... я соблазнился и сталъ грѣть свои руки... они накормили меня...

— И ты забылъ о переходѣ?

— Да, поручикъ; я не знаю, какъ это случилось... Мнѣ было тепло, поручикъ, было тепло...

И онъ снова заплакалъ.

На ночлегѣ, въ первый вечеръ послѣ ихъ встрѣчи, какой-то ребенокъ подалъ Верди два печеныя яблока.

— Вотъ, возьми, Малье, подѣлимся, — предложилъ офицеръ.

Солдатъ осмотрѣлъ яблоко, понюхалъ, откусилъ отъ него кусокъ, а затѣмъ съ отвращеніемъ бросилъ его въ сторону.

— Это не такія яблоки, какъ у насъ, — проговорилъ онъ.

И съ этихъ поръ онъ постоянно сравнивалъ всѣ встрѣчавшіеся ему предметы съ тѣмъ, что видѣлъ у себя на родинѣ; онъ дошелъ до того, что находилъ снѣгъ слишкомъ бѣлымъ, слишкомъ холоднымъ и гораздо хуже, чѣмъ на Юрѣ. Онъ протянулъ еще трое сутокъ, но съ каждымъ часомъ мрачное отчаяніе все сильнѣе овладѣвало имъ; смотря вокругъ себя блуждающимъ взглядомъ, онъ, казалось, искалъ своего сознанія, разсѣявшагося вдали, по предметамъ, вызывавшимъ его безграничную печаль. Однако онъ еще нашелъ въ себѣ достаточно жизненной силы, чтобы спросить, не покажется ли скоро морской берегъ, почему эта страна такъ плоска, когда же, наконецъ, дойдутъ до моря...

Однажды, выступая изъ Могилева въ прекрасное морозное утро, когда отрядъ собрался на одну изъ тѣхъ утреннихъ перекличекъ, на которыхъ каждый разъ недоставало нѣсколькихъ новыхъ номеровъ, замѣтили Малье висящимъ подъ вывѣской какой-то лавки. Онъ вышелъ ночью и повѣсился.

«Главное, видите ли, хотѣть жить»... вспомнились Верди слова

Маржерэ, и, желая проникнуться этою мыслью, онъ сталъ напѣвать какую-то солдатскую пѣсню, но, тѣмъ не менѣе, не могъ удержаться, чтобы не сказать глазами «прости» этому мертвецу, бывшему его солдатомъ и слугою.

Какъ разъ въ это мгновеніе, зашатавшись отъ внезапной боли въ ранѣ, онъ почувствовалъ одно изъ тѣхъ головокруженій, которыя, со времени его несчастій, часто случались съ нимъ. Онъ остановился и, пропустивъ впередъ нѣсколько рядовъ, подождалъ, пока съ нимъ сравнялся Михайло.

— Это все ты виноватъ, старый дикарь... я страдаю,—сказалъ онъ и пошелъ съ нимъ рядомъ.

Казакъ понялъ его по жестамъ и, тронутый выраженіемъ упрека въ голосѣ раненаго, покорно поднесъ руку къ своей папахѣ. Она была украшена мѣднымъ крестомъ, а вокругъ нея развѣвались густыя сѣдоватыя кудри, среди которыхъ улыбалось странное лицо, мужественное и утомленное, покорное и внушавшее уваженіе, добродушное и жестокое.

Съ тѣхъ поръ, держась за древко пики, прислонившись къ тюку сѣна, постоянно перекинутому черезъ лошадь, Верди не отходилъ болѣе отъ Михайлы. Они прошли Стародубъ, Глуховъ... позднѣе онъ нашелъ эти названія на картѣ, прослѣдя по ней пройденный имъ горестный путь. Но тогда эти похожіе одинъ на другой города имѣли мало значенія для него: онъ добирался до нихъ въ концѣ дней, походившихъ одинъ на другой и казавшихся ему неизбѣжными промежутками, отдѣлявшими полные безмолвія дни отъ ночей, наполненныхъ страданіями. Невзрачные дома, безпорядочно разбросанные по обѣимъ сторонамъ улицъ, маленькія лавченки съ непонятными вывѣсками, колокольни въ формѣ грушъ, проносившіяся сани, закутанные люди, скобливше снѣгъ,— все это были тѣ же мирныя, гармоничныя картины, но онѣ уже не успокоивали его, какъ въ первое время странствія, а скорѣе оскорбляли его своей безмятежностью и какъ бы смѣялись надъ нимъ. Однако, нѣкоторыя изъ встрѣченныхъ имъ лицъ случайно запечатлѣвались въ его памяти. Однажды какая-то дѣвушка надоѣла ему своими заигрываніями и улыбками; она умѣла сказать пофранцузски: «я васъ люблю... вы красивы». Въ другомъ мѣстѣ толстый цвѣтущій монахъ полатыни увѣщевалъ его покаяться, предупреждая, что вскорѣ онъ предстанетъ предъ лицомъ Господа... Наконецъ, подошелъ какой-то работникъ, объявившій ему, что онъ французскій солдатъ. Послѣ Смоленска, видя, что армія идетъ такъ далеко, онъ дезертировалъ и поступилъ случайно къ какому-то помѣщику, а теперь вернется въ Парижъ, какъ только накопитъ денегъ на дорогу.

Михайло каждый вечеръ давалъ ему хлѣба и свиного сала, чѣмъ несомнѣнно спасъ ему жизнь, потому что у него самого не хватило бы необходимой энергіи, чтобы достать себѣ пищи. Однако, возста-

новить свои силы съ каждымъ днемъ становилось все болѣе необходимымъ для него по мѣрѣ того, какъ право сильнаго все болѣе и болѣе воцарялось среди этой группы людей, жалкихъ, впавшихъ, благодаря борьбѣ за существованіе, въ почти животное состояніе. Вдобавокъ ко всему, въ отрядѣ стали развиваться диссентерія и другія заразныя болѣзни, и остававшіеся здоровыми, видя въ своемъ здоровьѣ новое преимущество для себя, пользовались имъ съ особымъ безсердечіемъ. Однажды, ночью, дежурный казакъ, обходя спящихъ, увидѣлъ, какъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ пытался задушить своего сосѣда по ночлегу. Его наказали кнутомъ и заковали въ цѣпи; потомъ онъ терпѣливо поплелся далѣе, привязанный къ хвосту лошади.

На одномъ изъ ночлеговъ Верди почувствовалъ себя особенно дурно. Онъ привсталъ, думая, что это облегчитъ его. Въ это мгновеніе въ избу вошелъ Михайло. Его взглядъ встрѣтился со взглядомъ Верди, и на его лицѣ тотчасъ же отразились состраданіе и раскаяніе. Онъ приблизился къ больному, обдавъ его запахомъ водки, взялъ его за руку, осмотрѣлъ рану и принялся покачивать головою, внимательно слѣдя за синеватыми жилками, проступавшими подъ кожею. Онъ перекрестился, глубоко вздохнулъ и вышелъ.

Черезъ минуту онъ вернулся, неся съ улыбкой полное ведро воды; онъ засучилъ рукава, досталъ изъ сѣдла полотенце и, не переставая говорить своему плѣннику медленнымъ, ласкающимъ тономъ, какимъ разсказываютъ маленькому ребенку сказку, принялся обмывать рану. Свѣжесть этого прикосновенія заставила Верди содрогнуться и прійти въ себя. Казакъ довершилъ всѣ свои заботы, угостивъ раненаго глоткомъ водки, затѣмъ, изъ вѣжливости, и самъ выпилъ.

На слѣдующій день пришлось сдѣлать большой переходъ. Теперь съ каждымъ шагомъ характеръ мѣстности мѣнялся. Изъ-подъ бѣлоснѣжнаго покрова зимы пробивались наружу многочисленныя деревни. Дорога, утративъ холодную прямолинейность, съ которою прорѣзывала степь, теперь огибала холмы, уходя вдаль извилистой лентой, обозначенной рядомъ столбовъ, возвышавшихся на каждой верстѣ.

— Когда же, наконецъ, я умру?... — думалъ Верди безъ малѣйшаго непріятнаго чувства, и это безстрастіе, само по себѣ, служило нагляднымъ доказательствомъ полнаго истощенія его силъ.

Въ первый разъ его лихорадка не уменьшилась утромъ; ослѣпленный блескомъ снѣга, утомленный звономъ въ ушахъ, онъ здоровою рукою поддерживалъ больную, оттягивавшую ему плечо. Во время полуденнаго привала онъ впалъ въ забытье. Казаки снова поставили его на ноги, напоивъ его водкою, и онъ шелъ въ теченіе двухъ часовъ, пьяный, стонущій отъ боли. Затѣмъ онъ снова упалъ и уже не могъ болѣе приподняться. Тогда Михайло пристроилъ его

у себя на лошади. Время отъ времени онъ ощупывалъ его, боясь, не замерзъ ли онъ, и, спуская его съ лошади, заставлялъ пройти пѣшкомъ нѣсколько шаговъ. Такимъ образомъ они миновали лѣсъ, а тамъ наступилъ вечеръ, и, такъ какъ по близости виднѣлись строенія, начальникъ отряда рѣшилъ остановиться, чтобы провести тамъ ночь.

Влѣво отъ дороги отдѣлялась аллея, которая вела къ зданію, напоминавшему нѣчто въ родѣ небольшого замка, въ два этажа, съ боковыми флигелями и террасою по серединѣ; другая аллея шла вправо, къ службамъ. Отрядъ остановился на перекресткѣ, а офицеръ отправился въ домъ съ просьбою о ночлегѣ. Онъ вернулся и сообщилъ, что это имѣніе называется Бѣлый Хуторъ и принадлежитъ помѣщику Гвоздеву. Баринъ отправился на охоту съ самаго утра, и придется подождать его, такъ какъ это человѣкъ крутого нрава, и въ его отсутствіе никто не рѣшается пустить въ домъ чужихъ.

Однако, въ концѣ аллеи показались двѣ женщины, закутанныя въ шубы. Одна изъ нихъ опережала другую, приближавшуюся, какъ казалось, нехотя. Скоро можно было разсмотрѣть ихъ костюмъ и лица и отличить госпожу отъ служанки, молодую дѣвушку отъ старушки-няни. Сзади нихъ слуги несли въ корзинахъ и горшкахъ хлѣбъ, соль, масло, молоко и чай.

— Ну, поднимайтесь, каины, проклятые! Добрые люди идутъ къ вамъ на помощь, — кричали казаки плѣннымъ.

Растолкавъ ихъ ногами и пиками, они заставили несчастныхъ встать и выстроиться. Одинъ лишь Верди остался лежать распростертымъ на землѣ. Михайло, стоя возлѣ него, не позволялъ обижать его.

— Посмотри-ка, Саша, какой этотъ блѣдный, — проговорила молодая дѣвушка, остановившись передъ нимъ и держа въ рукахъ стаканъ горячаго чая. — Онъ не хочетъ пить, — съ изумленіемъ прибавила она, когда Верди, поддерживаемый Михайлой, покачалъ головой.

— У него лихорадка, — объяснилъ Михайла, — предложите ему чего нибудь холоднаго, и онъ выпьетъ. Ему хочется лишь холоднаго, и когда я не нахожу для него воды, онъ ѣстъ снѣгъ. Онъ не старается выздоровѣть, онъ хочетъ смерти.

— Какая жалость! Такой молодой человѣкъ!... Это французъ, это видно по его лицу... Онъ офицеръ?

— Да, у него есть крестъ, какіе имъ даетъ ихъ императоръ. Онъ храбрый, я это знаю, потому что, по несчастью, я его ранилъ, забирая въ плѣнъ. Онъ во весь духъ скакалъ за нами, чтобы прорваться сквозь насъ, одинъ противъ всѣхъ. Тогда я попалъ пикой ему въ руку. Съ тѣхъ поръ я оберегаю и кормлю его. Только часъ тому назадъ я не далъ ему замерзнуть. Но, не смотря на это, его

болѣзнь усиливается; я боюсь, что Богъ за мои грѣхи пошлетъ ему смерть...

Молодая дѣвушка отошла въ сторону, чтобы вполголоса переговорить съ няней, которая съ ужасомъ подняла къ небу руки.

— Слушай, Саша: сдѣлаемъ, какъ намъ велитъ заповѣдь Господня. Попросимъ солдатъ, чтобы они дали намъ больного, а если они откажутъ, заплатимъ имъ...

— Подумайте, Вѣра Ивановна, что вы хотите сдѣлать! Купить этого человѣка! А что скажетъ баринъ?

— Конечно, онъ будетъ сердиться. Но отъ его гнѣва я не умру, а мое равнодушіе можетъ погубить это несчастное Божье созданіе. Посмотри-ка, вѣдь его жизнь держится на одномъ волоскѣ... Онъ такъ несчастенъ, что желаетъ смерти... Ну, выкупимъ его и заставимъ желать жизни. Подумай, Саша, о его матери и сестрѣ... Кто знаетъ, быть можетъ, онъ женатъ... подумай объ его маленькихъ дѣтяхъ, Саша. Разыщи офицера и скажи ему, что я заплачу, сколько онъ хочетъ. Скажи ему, что мы пригласимъ къ больному доктора и будемъ стеречь плѣнника, а когда война кончится, и онъ выздоровѣетъ, то мы отпустимъ его на свободу. Ступай, Саша... Я заплачу червонцами...

Старуха колебалась, вздыхала, наконецъ, перекрестившись, послушалась, пошла и вернулась съ отвѣтомъ.

— Ты говоришь — водки, Саша? А, грѣховодники! Но, ступай, они не помѣшаютъ мнѣ сдѣлать доброе дѣло. Дай имъ водки, если они хотятъ, но немного, чтобы они не напились.

Верди, понимая, что рѣчь идетъ о немъ, привсталъ на половину. Опершись на локоть, онъ наблюдалъ. Подъ вліяніемъ одного изъ тѣхъ наитій, которыя не покидаютъ человѣка въ минуту самой сильной опасности, онъ угадывалъ, что этотъ ребенокъ былъ для него послѣднею возможностью спасенія; онъ привсталъ еще болѣе, чтобы высвободить свою лѣвую руку, и послалъ ей нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ.

Она увидѣла это, поняла его и улыбнулась.

Офицеръ, командовавшій отрядомъ, потребовалъ отъ нея письменнаго удостовѣренія, что она добровольно приняла раненаго въ свой домъ и обязуется, по первому востребованію военныхъ властей, предоставить его. Няня, по приказанію барышни, отправилась впередъ готовить постель, распорядилась затопить печку въ пустой комнатѣ въ нижнемъ этажѣ. Затѣмъ двое слугъ въ сопровожденіи Михайлы отправились за больнымъ и въ креслѣ внесли его въ домъ.

XII.

Наступила ночь. Гвоздевъ возвращался въ саняхъ съ охоты, какъ вдругъ замѣченные имъ издали большіе костры, разложенные

близъ его деревни, встревожили его; увидѣвъ, что они зажжены казаками, готовившими себѣ ужинъ, онъ въ сильномъ раздраженіи подъѣхалъ къ первымъ избамъ.

— Мнѣ кажется, всѣ эти фараоны нарочно явились изъ ада, чтобы сжечь мою усадьбу,—ворчалъ онъ, грозя палкой своему старостѣ Голобородку.

— Вѣра Ивановна приказали намъ принять ихъ, дать имъ соломы. Онѣ сами изволили взять въ домъ французскаго офицера.

— Французъ у меня!... Подъѣзжай къ дому, Миша!...

Гвоздевъ, опираясь на палку, выскочилъ изъ саней и самъ грубо толкнулъ дверь, не ожидая, чтобы отворили ее. Сзади него слуги внесли двухъ убитыхъ медвѣдей.

— Какъ я рада, что ваша охота была такъ удачна! — проговорила Вѣра, быстро идя къ нему на встрѣчу, и поцѣловала ему руку.

— А я, я не радъ,—спокойно отвѣчалъ онъ, такъ какъ его гнѣвъ сразу утихъ при видѣ молодой дѣвушки: — да, я не радъ, что ты пріютила подъ нашимъ кровомъ проклятаго изъ проклятыхъ.

— Отецъ, это раненный офицеръ... Я боялась, что онъ умретъ у нашихъ дверей... Начальникъ отряда отказывался уступить мнѣ плѣнника; я должна была заплатить, чтобы получить его согласіе

— Заплатить, чтобы имѣть у себя врага?.. И моими деньгами?. Заплатить за эту собаку моими деньгами? Зачѣмъ ты сдѣлала это?

Онъ сжималъ ее за кисть руки и смотрѣлъ на нее сверкавшими отъ злобы глазами. Она поблѣднѣла, но не сдалась.

— Я вѣдь сказала вамъ, папа... Я купила его, чтобъ вернуть его къ жизни.

XIII.

Когда Верди проснулся, утренній свѣтъ уже проникалъ въ комнату черезъ высокія окна. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на богатую обстановку комнаты, а затѣмъ его глаза остановились на маленькомъ столикѣ у кровати. На немъ находились его деньги, письма, портретъ матери и три миніатюры, унаслѣдованныя отъ Маржерэ. Тамъ же стояло небольшое зеркало, и онъ взялъ его, чтобы посмотрѣть на себя. Его впалыя щеки и мертвенный цвѣтъ лица заставили его ужаснуться; онъ откинулъ назадъ сѣдоватые волосы, бѣлѣвшіе у него на вискахъ. При этомъ онъ улыбнулся и обнаружилъ блѣдныя десны и почернѣвшіе зубы.

— Выздоровѣю ли я?—воскликнулъ онъ, съ боязнью ощупывая свою руку со вновь наложенной повязкой. — Да, я выздоровѣю,— заключилъ онъ, — эти люди хорошо ухаживаютъ за мною.

Въ это время въ корридорѣ послышались легкіе шаги и веселый, проникающій въ душу голосъ, разговаривавшій съ кѣмъ-то.

— Гдѣ же я слышалъ этотъ голосъ?—думалъ Верди, роясь въ

воспоминаніяхъ, пока не остановился, наконецъ, на образѣ молодой дѣвушки, которая наканунѣ говорила о немъ съ Михайлой.

— Вѣра Ивановна... — проговорилъ онъ. — Русскій языкъ такъ красивъ, мелодиченъ въ устахъ женщинъ!

Онъ рѣшился наслаждаться всѣмъ, что окружало его. Въ дверь вошла со своимъ угрюмымъ видомъ няня Александра, помѣшала дрова въ печкѣ и прибрала комнату. Затѣмъ ручка замка снова повернулась, и изъ-за полуотворенной двери выглянула Вѣра; черезъ минуту она также вошла и поставила на столъ вазочку съ блѣднымъ гіацинтомъ. Онъ поклонился, поблагодарилъ ее и сказалъ комплиментъ пофранцузски; въ отвѣтъ она присѣла, промолвила нѣсколько словъ порусски, которыхъ онъ не понялъ, и выбѣжала изъ комнаты.

— Она не знаетъ пофранцузски,—подумалъ онъ.

И мысль объ одиночествѣ снова стала терзать его. Но не успѣла старуха, въ свою очередь, удалиться, какъ Вѣра снова явилась, идя нацыпочкахъ.

— Поговоримте теперь,—сказала она улыбаясь.

— Да, поговоримте, такъ какъ, къ счастью, вы знаете мой языкъ, Вѣра Ивановна.

— Вы назвали меня по имени,— замѣтила она,— а я не знаю, какъ звать васъ.

— Жакъ Верди.

— Скажите также, какъ звали вашего отца.

— Антуанъ Верди.

— Такъ вотъ, Яковъ Антоновичъ, вамъ не слѣдуетъ безпокоиться относительно вашей болѣзни. Сейчасъ пріѣдетъ Душковъ; это—очень хорошій докторъ; онъ лѣчитъ насъ всѣхъ. Въ особенности онъ умѣетъ залѣчивать раны. Впрочемъ, что такое рана на рукѣ? Раны на тѣлѣ могутъ повредить внутренніе органы, а раны на рукѣ!?... Значитъ, вы поправитесь очень скоро. Это-то я и сказала вамъ сейчасъ порусски. Вотъ мои слова: «у меня на печкѣ есть еще одинъ гіацинтъ, который расцвѣтетъ скоро. Когда онъ раскроется, ваша рана будетъ уже закрыта».

— Благодарю за доброе пожеланіе,— отвѣчалъ онъ.—Но довольно обо мнѣ, лучше поговоримъ о моемъ отечествѣ...

— Франція—чудная страна,—произнесла Вѣра: — французы въ избыткѣ получили отъ Бога всѣ богатства природы и всѣ дары ума. Поэтому какъ мы любили здѣсь Францію до начала всѣхъ этихъ войнъ! Мой дѣдушка самъ училъ меня пофранцузски, говоря, что испоконъ вѣковъ это былъ языкъ науки и истины. Онъ объяснялъ мнѣ такъ же вашу исторію и все то хорошее, что ваши короли сдѣлали для вашего народа. Онъ только по наружности кажется такимъ суровымъ; онъ очень ученый человѣкъ, и хотя сильно привязанъ къ русскимъ обычаямъ, но знакомъ съ нравами всей Европы. У

него было много французскихъ книгъ, и онъ ими зачитывался даже по ночамъ. Но когда дошло до насъ извѣстіе о переходѣ вашихъ войскъ черезъ нашу границу, дѣдушка въ тотъ же день уничтожилъ всѣ ваши книги, да всѣ, за исключеніемъ моего маленькаго Евангелія. Увы! сколько еще времени продлятся всѣ эти ужасы!

Она замолчала и, казалось, всѣми силами сдерживала слезы, навертывавшіяся на ея рѣсницахъ. Верди безмолвно улыбался, упиваясь ея словами; даже ея неправильныя французскія фразы и странный выговоръ казались ему прелестными. И неудивительно. Ей было семнадцать лѣтъ; большого роста, статная, она отличалась высокимъ умнымъ лбомъ, большими выразительными глазами и правильнымъ оваломъ лица.

— Мы читали съ дѣдушкой,—продолжала она, видя, что онъ все молчитъ,—великихъ представителей вашей литературы, Корнеля и, въ особенности, Расина, и никакъ не могли рѣшить, кто изъ нихъ талантливѣе?... Я говорила, что слѣдуетъ предпочитать Корнеля, потому что онъ воспѣлъ силу воли мужчинъ и постоянство женщинъ.

— Молодыя дѣвушки во Франціи не разсуждаютъ такъ умно,— промолвилъ Верди.

Она покраснѣла, но потомъ продолжала.

— Не будь войны, увѣряю васъ, эта страна напоминала бы Францію. Россія такъ красива лѣтомъ! Теперь она, точно мертвецъ, покрыта саваномъ, но на солнцѣ она оживетъ, воспрянетъ, одѣнется въ свой нарядъ изъ луговъ и нивъ. Вѣдь мы здѣсь въ Малороссіи... Если бы вы, заснувъ теперь, проснулись бы разгаръ нашего лѣта, вы могли бы подумать, что находитесь во Франціи... Впрочемъ, если бы не существовало войнъ, развѣ люди, гдѣ бы они ни находились, не чувствовали бы себя постоянно, какъ на родинѣ?..

— Раздѣленіе вселенной на различныя государства естественно поддерживаетъ войны,—возразилъ онъ.—Или вы думаете, что дерутся ради удовольствія? Нѣтъ, войны вызываются національными интересами, необходимостью...

— Я знаю, вы не ради удовольствія получили эту рану... Но для того, кто командуетъ вами, кто приноситъ васъ въ жертву своему проклятому честолюбію, скажите, найдется ли для него достаточно огня въ адѣ?

— Не думайте, что я стану осуждать императора. Онъ отвѣтитъ за всѣхъ насъ передъ исторіей. Что касается меня, то я—его слуга; мое дѣло—не разсуждать, а повиноваться и проливать свою кровь за честь нашего оружія.

Вѣра задумалась на мгновеніе, наклонивъ впередъ свою хорошенькую головку.

— Солдатъ, подобно монаху, произноситъ своего рода обѣтъ,— проговорила она наконецъ.

Верди ничего не отвѣтилъ. Его взглядъ случайно упалъ на ле-

жавшіе подлѣ него на столикѣ портреты семьи Маржерэ; онъ вспомнилъ объ его трупѣ, брошенномъ безъ погребенія на краю дороги, и лицо его отуманилось грустью.

— Этотъ красивый ребенокъ — вашъ сынъ? — спросила Вѣра, внимательно наблюдавшая за нимъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — я не женатъ.

— О, тѣмъ лучше, а то ваша жена была бы слишкомъ несчастна, находясь такъ далеко отъ васъ!

— Да, слишкомъ несчастна... Это самое я говорилъ человѣку, оставившему на землѣ вотъ эту семью.

И онъ принялся подробно разсказывать о своей встрѣчѣ съ Маржерэ, объ ихъ странствіяхъ въ хвостѣ войскъ 3-го корпуса, о сраженіяхъ на берегу Днѣпра, объ ихъ чудесномъ спасеніи, свиданіи съ императоромъ, о смерти Маржерэ. Вѣра слушала его съ нѣжнымъ сочувствіемъ, и даже иногда слезы показывались на ея глазахъ.

Неожиданно во дворѣ послышался звонъ бубенчиковъ.

— Это Душковъ! — проговорила Вѣра и, бросившись къ окну, увидѣла, какъ ея старый другъ выходилъ изъ саней.

Въ продолженіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ Душковъ лѣчилъ нѣсколько поколѣній Гвоздевыхъ, такъ что, въ концѣ концовъ, сдѣлался нераздѣльной частью ихъ семьи.

— Ну, слава Богу, вы здоровы, Вѣра Ивановна, — сказалъ онъ выбѣжавшей къ нему въ корридоръ молодой дѣвушкѣ. — Я говорилъ себѣ дорогою, только бы ваше здоровье не пострадало во время этихъ сильныхъ морозовъ...

Она пошла приготовить ему чаю, а Гвоздевъ самъ повелъ доктора къ больному. Опершись на свою трость и стоя въ ногахъ кровати, онъ присутствовалъ при осмотрѣ больного, но все время молчалъ, насупивъ брови.

— Какъ, Душковъ, онъ проболѣетъ нѣсколько недѣль? — повторялъ онъ съ неудовольствіемъ, когда они спускались по лѣстницѣ. — Я не хочу имѣть у себя этого человѣка такъ долго. Какъ только онъ будетъ въ состояніи встать съ постели, я отправлю его къ Голобородку... Да, къ Голобородку, — произнесъ онъ, возвышая голосъ при видѣ подходившей къ нимъ Вѣры.

Она схватила Душкова за руку и спросила:

— Что же, вы попрежнему все много читаете?

Но онъ замѣтилъ у нея на лицѣ какую-то скрытую печаль и, понявъ, въ чемъ дѣло, сказалъ:

— Что касается этой раны, то сегодня я ничего не могъ видѣть, благодаря опухоли. Быть можетъ, повреждена кость... Тогда придется отнять руку.

Она поднялась на верхъ, совершенно опечаленная, такъ какъ, говоря это, Душковъ дергалъ себя за бороду и теръ подбородокъ, что онъ дѣлалъ только въ серьезныхъ случаяхъ. Но, переступая

порогъ комнаты Верди, она сдѣлала усиліе надъ собою и сказала съ улыбкой:

— Душковъ уѣзжаетъ, даже не прописавъ лѣкарствъ. Онъ говоритъ, что нѣтъ никакой опасности, но что вы должны лежать очень спокойно.

Но, мучимая затаеннымъ безпокойствомъ, она поспѣшила вернуться въ свою комнату и, упавъ на колѣни передъ образомъ Спасителя, стала горячо молиться.

— Господи!—думала она:—неужели придется отнять ему руку!..

XIV.

На слѣдующее утро Верди, потягиваясь, ощутилъ подъ рукой что-то тяжелое, металлическое. Онъ повернулся и замѣтилъ повѣшенную на стѣнѣ старинную икону въ массивной серебряной ризѣ, украшенной рубинами и бирюзою.

— Это святой Яковъ,—подумалъ онъ про себя и догадался, что только Вѣра могла оказать ему подобное вниманіе; онъ прождалъ молодую дѣвушку до вечера, но она не явилась. Только одинъ разъ въ теченіе всей недѣли она вошла къ нему вмѣстѣ съ Гвоздевымъ: она при этомъ молча присѣла и черезъ нѣсколько минутъ удалилась съ дѣдушкой.

Все это время раненый оставался одинъ съ своими воспоминаніями. Онъ мысленно переживалъ всѣ событія своей жизни отъ Сенъ-Сирской школы до Бородина, останавливаясь преимущественно на своихъ военныхъ подвигахъ и на тѣхъ пяти случаяхъ, когда ему пришлось лично говорить съ императоромъ. Но эти краткіе блестящіе эпизоды омрачались долгими темными эпохами, и онъ невольно думалъ, что при бо́льшемъ счастьи онъ могъ бы уже командовать гвардейскимъ эскадрономъ. Но счастье ему не улыбалось, и среди этихъ воспоминаній главное мѣсто занимали опасности, которымъ онъ подвергался на своей постоянной аванпостной службѣ. Но за то онъ радовался при мысли, что до конца остался храбрымъ офицеромъ, достойнымъ своихъ товарищей по оружію. Впрочемъ, что начальники или товарищи знали теперь о немъ? Безъ сомнѣнія, имъ уже объявлено объ его смерти; въ его формулярѣ, рядомъ съ перечисленіемъ его заслугъ, написано... «исчезъ... пересталъ слѣдовать за арміей съ такого-то дня».

— Въ общемъ я испортилъ свою карьеру,— думалъ онъ.—Маршалу только стоило сказать: «Верди здѣсь?»... и я откликнулся: «да, маршалъ»; онъ послалъ меня на вѣрную погибель среди снѣговъ, и я повиновался. Это было его право и мой долгъ. Но Маржерэ справедливо сказалъ, что война нелѣпа. Я поселюсь вмѣстѣ съ матерью въ Корбейлѣ, женюсь на хорошенькой дѣвушкѣ, съ такими красивыми глазами, какъ у Вѣры, куплю лодку для рыбной ловли, англій-

скую лошадь для поѣздокъ въ Парижъ и въ особенности я стану читать, читать... читать...

Затѣмъ, перенесшись мысленно назадъ, за эти десять лѣтъ, потерянныя для его счастья, онъ сталъ вспоминать о своемъ пребываніи въ Сенъ-Сирской школѣ, о тѣхъ женщинахъ, за которыми онъ ухаживалъ въ своей юности. Ему вспомнились прошлыя увлеченія... особенно ярко выступала въ его памяти любовь къ Эмиліи. Пытаясь объяснить себѣ все обаяніе, которое этотъ милый обликъ имѣлъ для него, и почему воспоминанія о другихъ женщинахъ блѣднѣли передъ ея образомъ, онъ почувствовалъ неожиданно, что эта самая искренняя любовь какъ бы снова просыпалась въ его сердцѣ.

— Я ужъ не люблю ли Вѣру?—спросилъ онъ тогда самого себя, заподозрѣвъ, что въ его сердцѣ происходитъ что-то странное.— Но, нѣтъ, слово «любовь» не примѣнимо къ ней. Ее можно только обожать. Это существо не земное, это ангелъ.

Между тѣмъ Верди становилось хуже, онъ не могъ двигать рукою, опухоль распространялась по шеѣ и доходила до уха. Его мучили сильныя боли, а лихорадка превращала его сонъ въ тяжелый кошмаръ.

Къ вечеру седьмого дня онъ впалъ въ тревожное забытье. Ему представилось, что гдѣ-то вдали, за горизонтомъ, гремитъ канонада густыя колонны, одна за другою, направлялись отъ Бородина къ Москвѣ, поднимая столбы пыли, казавшіеся издали облаками дыма. Затѣмъ залпы артиллеріи превратились въ бой барабановъ; армія входила въ городъ, въ которомъ царило мертвое безмолвіе: не было слышно ни одного крика, ни одного стона. Закрытые и опустѣвшіе дома не оказывали никакого сопротивленія, предоставляя себя грабежу. Ничто не могло побороть возбуждавшей тревогу тишины въ побѣжденномъ городѣ. Вдругъ раздались крики:

— Пожаръ! Пожаръ!

И голосъ императора говорилъ:

— Бертье, мы пропали, городъ горитъ.

Огонь свирѣпствовалъ съ необузданной яростью. Искры сыпались дождемъ, летавшій пепелъ напоминалъ собою снѣжные хлопья, дымъ клубами разносился по воздуху. Пробивая себѣ дорогу среди бушевавшаго пламени, Верди искалъ чего-то, чего онъ не находилъ, и отсутствіе чего было ему непріятно. На одной изъ площадей онъ увидѣлъ трехъ поджигателей, повѣшенныхъ на обуглившихся деревьяхъ. Нѣсколько далѣе гусары его взвода, разсѣвшись въ креслахъ на открытомъ воздухѣ, пировали среди раскрытыхъ или взломанныхъ сундуковъ съ матеріями, посудой; подъ какимъ-то навѣсомъ въ Китай-городѣ голландскіе солдаты, переодѣвшись въ русскіе костюмы, торговали накраденными вещами.

Однако, побѣги пламени, соединяясь наверху, надъ его головою, образовали надъ улицей блестящій готическій сводъ и отражались

красноватыми отблесками на раскаленной, какъ плита, мостовой. Мимо него проходили люди, везя на телѣжкахъ весь свой домашній скарбъ; они спасались изъ одной части города въ другую. Верди шелъ вмѣстѣ съ ними.

Наконецъ онъ попалъ во дворъ какого-то дворца и очень обрадовался, увидѣвъ тамъ Маржерэ.

— Чѣмъ вы озабочены?.. Что вы ищете?.. — спросилъ онъ съ своей доброй улыбкой.

— Чортъ возьми, я ищу лошади...

Какъ онъ самъ не догадался объ этомъ?.. На дворѣ большая собака, привязанная на цѣпи, къ стѣнѣ, вертѣлась на мѣстѣ, прыгала и рычала. Пламя приближалось и опоясывало небольшой дворъ. Вотъ оно коснулось Маржерэ, и едва онъ успѣлъ крикнуть: «да здравствуетъ императоръ!», какъ упалъ мертвымъ. Тогда появился маршалъ Ней и сталъ давать приказанія.

— Намъ нехорошо здѣсь,—говорилъ онъ,—надо пойти поискать воды въ Березинѣ...

Вся армія повиновалась, и вотъ гдѣ-то тамъ, за стѣною, послышались шумъ, производимый войсками, галопъ лошадей, несущихся въ атаку, затѣмъ взрывъ зарядныхъ ящиковъ, смѣшанный шумъ битвы, команда, стоны, голоса, повторявшіе:

— Березина высохла... Переходъ черезъ Березину во власти русскихъ... Березина замерзла...

Какое страшное несчастіе! Въ Березинѣ не оказалось воды, чтобы залить московскій пожаръ! Такимъ образомъ, смерть въ огнѣ являлась неизбѣжной; уже собака, съ обгорѣлою шерстью, забилась въ свою будку...

— Воды! — закричалъ Верди хриплымъ голосомъ и, привскочивъ на постели, раскрылъ свои обезумѣвшіе глаза. — Я умираю!.. Воды!..

XV.

— Да, вотъ вода, выпейте... — отвѣчалъ голосъ Вѣры, и, взявъ со столика стаканъ, она подала его больному.

При мерцающемъ свѣтѣ лампадки онъ замѣтилъ, что молодая дѣвушка улыбалась.

— Это вы, Вѣра? — пролепеталъ онъ: — Это вы!.. вы!.. Скажите, Вѣра, пожаръ прекратился?

— Да, — отвѣчала она серьезно. — Пожаръ совершенно прекратился. Развѣ вы не чувствуете, что все вокругъ васъ холодно?

— Это правда... воздухъ холоденъ... Ваша рука тоже холодна... Какое счастье, что это вы! Значитъ, мы болѣе уже не въ Москвѣ?

— Нѣтъ, мы въ Бѣломъ Хуторѣ. Война кончилась. Всѣ въ домѣ спятъ. Ночь кончается, и сейчасъ займется день...

Онъ жадно выпилъ поданное питье и, опираясь на ея руку, пока она вытирала ему лобъ, долго вглядывался въ нее испуганнымъ взглядомъ.

— Я понимаю, да... Это была лихорадка... Благодарю, Вѣра... О, не оставляйте меня умереть одного!..

Она зажала ему ротъ рукой, но онъ схватилъ эту руку своей здоровой и сталъ покрывать ее поцѣлуями.

— Вы возвратите мнѣ жизнь, да?—спрашивалъ онъ.

— Да,—отвѣтила она своимъ кроткимъ голосомъ и повернула къ образу свое лицо, освѣщенное мерцаніемъ лампадки.—Да, гіацинтъ зацвѣлъ, вы выздоровѣете.

— О, какъ вы прекрасны! — говорилъ онъ, точно молясь на нее.—Вѣра! мое божество! О, какъ я люблю васъ!

Но его рана снова дала почувствовать себя; глаза у него помутились, и онъ снова упалъ на подушки, въ припадкѣ бреда. Однако кошмаръ не поборолъ образа молодой дѣвушки, и онъ все повторялъ:

— Добрый ангелъ... добрый ангелъ...

Затаивъ эти два слова въ своемъ сердцѣ, Вѣра вернулась къ себѣ въ комнату. Вставъ передъ окномъ, она охватила свой лобъ рукою, еще горѣвшею отъ его поцѣлуевъ. Густой лѣсъ, составлявшій гордость Гвоздева, уходилъ въ даль, къ горизонту, гдѣ за кружевомъ, сотканнымъ изъ верхушекъ деревъ, занималась и рдѣла заря; надъ лѣсомъ разстилалось блѣдноватое небо, сплошь покрытое маленькими облачками, въ которыхъ отражались первые лучи солнца.

«Неужели я въ самомъ дѣлѣ заслужила это названіе «добраго ангела»?.. думала Вѣра и благодарила Бога, что онъ дозволилъ ей облегчить страданія раненаго.

Утромъ пріѣхалъ Душковъ, перевязалъ рану, прописалъ новыя лѣкарства и затѣмъ уѣхалъ, сказавъ, что все пойдетъ хорошо. Проводивъ его до конца аллеи, Гвоздевъ возвращался молча, опираясь на плечо Вѣры, какъ вдругъ молодая дѣвушка вздрогнула отъ посыпавшагося на нихъ инея съ вѣтки одного изъ деревьевъ.

— Ты дрожишь, Вѣра? Тебѣ нездоровится?..

— Нѣтъ... это ничего,—отвѣчала она, еще болѣе вздрагивая.

— Я доволенъ тѣмъ, что мнѣ сказалъ Душковъ. Французъ настолько поправился, что я велю перенести его къ Голобородку, а затѣмъ пусть себѣ отправляется на всѣ четыре стороны.

— Не говорите такъ! Богъ посылаетъ намъ гостей! Не дѣлайте этого!

Пораженный живостью ея отвѣта, онъ остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Я хотѣла поговорить съ вами...—начала она.

Но, такъ какъ онъ продолжалъ въ упоръ смотрѣть на нее, ей стало страшно этихъ блестящихъ глазъ, и, прежде чѣмъ продолжать, она прильнула головою къ его груди.

— Все это утро я много думала о заповѣдяхъ Христа. Какъ грустно видѣть, что люди такъ мало слѣдуютъ имъ! Вѣдь весь міръ живетъ лишь войнами, насиліями и преступленіями.

На лицѣ Гвоздева мелькнула улыбка, какъ бы говорившая: «только то?»—и думая, что передъ нимъ все еще дѣвочка, а не женщина, онъ сказалъ кротко:

— Ты права, душечка. Мы переживаемъ тяжелые дни. Прежде мы, русскіе, сражались лишь съ врагами христіанской вѣры. Поэтому-то, когда Екатерина послала свою армію противъ турокъ, я добровольно пошелъ на войну: тогда мы шли подъ знаменемъ Христа. Теперь же мы сражаемся противъ народа, какъ и мы, получившаго откровеніе Божіе, и французы принудили насъ взяться за оружіе противъ другаго христіанскаго народа. Проклятіе всѣмъ французамъ, обагрившимъ насъ кровью!

— Не надо проклинать ихъ,—отвѣчала Вѣра,—развѣ они знаютъ, что дѣлаютъ? Они повинуются тому, кто ведетъ ихъ, и не ихъ вина, если онъ дѣйствуетъ по внушенію дьявола.

— Что ты говоришь! Развѣ не по ихъ винѣ сгорѣла Москва?

— Нѣтъ, нѣтъ! Они не хотѣли сжечь ее! Никто не знаетъ причины несчастья! Господь поразилъ насъ всѣхъ!

Она обняла его и повисла у него на шеѣ; онъ поцѣловалъ ея волосы, освободился отъ ея объятій и, предоставивъ ей одну изъ рукъ, которую она жала и ласкала, онъ медленно пошелъ дальше.

— Намъ слѣдуетъ искупить наши грѣхи,—продолжала она.—Мы проливали кровь и до этой войны. Людямъ Запада нечему было учить насъ. Русская исторія тоже имѣетъ свои кровавыя страницы...

— Не говори о мертвыхъ,—прервалъ ее Гвоздевъ, крестясь,—ихъ судитъ Богъ, но что касается нынѣшняго времени, то я знаю, что намъ остается сдѣлать. Парижъ — улей, и нужно разрушить этотъ улей, чтобы разогнать рой варваровъ. Если бы у меня были цѣлы обѣ ноги, будь увѣрена, я снова сѣлъ бы на коня и безъ угрызенія совѣсти сталъ бы безпощадно истреблять непріятеля, такъ какъ Спаситель сказалъ: кто поднялъ мечъ, тотъ отъ меча погибнетъ...

— Онъ сказалъ это,—возразила она, пытаясь проникнуть своимъ взглядомъ въ глубь неба,—но таковъ былъ законъ ветхаго завѣта, онъ же заповѣдалъ намъ измѣнить міръ. Вотъ именно обо всемъ этомъ, отецъ, я и думала сегодня утромъ... Да, на землѣ очень много зла... солдаты распространяютъ зло всюду, но они вынуждены къ этому, и мы должны не проклинать ихъ, а скорѣе сожалѣть о нихъ, такъ какъ ихъ долгъ—повиноваться, страдать и молчать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развѣ для исправленія зла у насъ нѣтъ любви? Мнѣ кажется, что женщины должны выкупать своею любовью всѣ тѣ несправедливости, которыя причиняются дѣйствіями мужчинъ. Отецъ, я хочу объяснить вамъ, какъ эта мысль пришла мнѣ въ голову. Сегодня утромъ я услышала, что офицеръ стонетъ. Вы запретили мнѣ вхо-

дить къ нему въ комнату, однако я не выдержала и пошла къ нему. Простите меня: онъ такъ страдалъ... Я утолила его жажду, а онъ назвалъ меня: «добрый ангелъ». Да, онъ принялъ меня за своего ангела-хранителя. И вдругъ я поняла свое назначеніе: мнѣ стало ясно, что не напрасно вы приняли подъ свой кровъ умирающаго, и что недостаточно заплатили за него два золотыхъ, что теперь нужны иныя деньги...

Она снова взглянула на небо, снова поцѣловала руку старика и затѣмъ прибавила спокойно:

— Богу угодно, чтобы я стала женою этого человѣка.

— Что ты сказала? Что такое? — воскликнулъ старикъ, ударяя о землю палкою.—Онъ, проклятый, увѣрилъ тебя въ этомъ?

— Нѣтъ, я сама поняла это! Одинъ Богъ внушилъ мнѣ эту увѣренность.

— Да, да, тебя убѣдилъ въ этомъ французъ... О, эти бродяги издавна славились искусствомъ обольщать простаковъ-русскихъ, и Ростопчинъ прекрасно зналъ это, когда приказывалъ всѣмъ покинуть Москву. Негодяи околдовали бы нашихъ людей и сдѣлали бы ихъ соучастниками своихъ преступленій!

Онъ грубо сжалъ руку Вѣры и устремилъ на нее угрожающій взглядъ.

— Скажи, ты забыла ихъ преступленія? Близъ Красныхъ воротъ они стрѣляли въ икону Божіей Матери, они сняли съ нея вѣнецъ Пресвятой Дѣвственницы и, надѣвъ его на голову медвѣдю, водили звѣря на показъ по улицамъ; ставили своихъ лошадей въ соборъ, въ которомъ наши цари принимали помазаніе на царство, и, вырывъ прахъ нашихъ предковъ, покоившійся въ землѣ, попирали его ногами!

Слезы показались на его глазахъ, и воцарилось тяжелое молчаніе, которое прервала Вѣра, произнеся тѣмъ же спокойнымъ голосомъ:

— Христосъ сказалъ: «Отче, прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ».

Затѣмъ она снова замолчала, и Гвоздевъ, видя по ея лицу, что любовь молодой дѣвушки была спокойной по внѣшнимъ проявленіямъ и пламенной по существу, вдругъ рѣзко перемѣнилъ тонъ.

— Впрочемъ,—проговорилъ онъ, переходя отъ слезъ къ смѣху,— этотъ французъ не любитъ тебя.

— Развѣ онъ сказалъ вамъ это?—съ ужасомъ спросила она.

— Я говорю то, что знаю,—отвѣчалъ онъ загадочно.—О, о! онъ назвалъ тебя ангеломъ! Это названіе французы даютъ очень многимъ женщинамъ!

— Правда?—продолжала она тѣмъ же испуганнымъ голосомъ.

— Да, правда, и, не говоря уже объ ихъ женщинахъ, француженкахъ, мы достаточно видимъ все то, что они дѣлаютъ съ нашими. А! ты хочешь быть его ангеломъ! Вѣрь мнѣ, онъ не того ожидаетъ

отъ тебя. Но ты даже не знаешь, бѣдненькая, какіе ангелы живутъ во Франціи...

— Не клевещите на француженокъ: у нихъ свои горести, у насъ—свои.

— Я говорю, что весь этотъ народъ, и мужчины, и женщины, проклятый!—продолжалъ онъ, не будучи въ силахъ сдерживать болѣе своихъ истинныхъ чувствъ.—Я говорю, что хотя они и могутъ преуспѣвать въ военномъ дѣлѣ, въ кулинарномъ искусствѣ и литературѣ, но что они сами поставили себя внѣ христіанскаго закона. А что касается до брака или какого либо другого таинства...

Онъ остановился, чтобы перевести дыханіе, а затѣмъ заключилъ громовымъ голосомъ:

— Я, старый казакъ, старый служака матушки Екатерины, отказываюсь выдать свою внучку за французскаго офицера!

Невозмутимая по внѣшности, Вѣра продолжала поддерживать его, а между тѣмъ ужасное сомнѣніе терзало ей сердце и разрывало грудь.

— Ты была у этого человѣка и говорила съ нимъ на его языкѣ?—спросилъ ее Гвоздевъ, когда они вошли въ переднюю:—это значитъ, что ты дважды ослушалась меня и заслуживаешь...

Такъ какъ она не торопилась просить у него прощенія, онъ съ силою сжалъ ея руку. Она поблѣднѣла, но, не прибѣгая къ самозащитѣ, высказала одинъ изъ тѣхъ чисто женскихъ доводовъ, противъ которыхъ мужчины безсильны:

— Мое евангеліе нафранцузскомъ языкѣ,—сказала она,—я буду молиться Богу по-французски.

XVI.

Прошло три мѣсяца, въ теченіе которыхъ Верди не видѣлъ Вѣры.

Онъ жилъ у Голобородка, но не въ общей избѣ, а въ отдѣльной коморкѣ, очищенной для него отъ инструментовъ и сѣмянъ, которые хранились въ ней прежде. За то онъ наполнялъ ее книгами, которыя бралъ у Душкова, такъ какъ, поправившись, сталъ много читать и занялся изученіемъ русскаго языка, плѣнявшаго его своими красотами. Кромѣ того, онъ отдался обдумыванію своихъ прежнихъ теорій «философіи войны», собираясь написать книгу, самое заглавіе которой «философія войны» приводило его въ восторгъ.

Выйдя однажды утромъ изъ избы, онъ былъ пораженъ блѣдностью неба, легкостью воздуха, въ которомъ чувствовались одновременно и солнечная теплота и влажность отъ близости воды. Весна была въ полномъ расцвѣтѣ. Изба, съ крыши которой лился растаявшій снѣгъ, съ шумомъ сбрасывала съ себя зимнее одѣяніе. Въ концѣ двора слышался стукъ: тамъ Голобородко пряталъ подъ навѣсъ сани.

Всѣ эти проявленія чуждой для него жизни наталкивали Верди на воспоминанія объ его родинѣ; отъ перемѣнъ въ его частной жизни онъ перешелъ къ болѣе важнымъ, общественнымъ явленіямъ. Когда и противъ кого двинетъ императоръ новыя набираемыя имъ арміи? Настроилъ ли онъ на свой ладъ всѣхъ своихъ союзниковъ, приготовилъ ли цѣлый арсеналъ плановъ, замысловъ? Кто знаетъ, быть можетъ, въ эту самую минуту онъ уже началъ двигать пѣшками по стратегической шахматной доскѣ?.. Не имѣя возможности разрѣшить всѣхъ своихъ сомнѣній, Верди попросту отдался впечатлѣніямъ, которыя навѣвало на него пробужденіе окружающей природы. Онъ всею грудью вдыхалъ въ себя ласкающій и опьяняющій плодотворный воздухъ, который земля, разрыхленная оттепелью, вбирала въ себя своими порами, и который, насытившись въ ея нѣдрахъ таинственнымъ благоухающимъ началомъ, выходилъ наружу ласкою весны, залогомъ грядущаго лѣта. Повсюду били ключемъ лучезарныя юныя силы природы; въ каждомъ человѣкѣ трепетала душа ребенка и радостное ощущеніе въ себѣ жизни, рѣшимость дѣйствовать и желаніе любить.

«Она сдержала слово... она возвратила мнѣ жизнь»... думалъ онъ, посылая рукою поцѣлуй по направленію къ бѣлому дому, выдѣлявшемуся вдали на фонѣ синѣющаго лѣса.

Вѣра не выходила изъ усадьбы. Она не соглашалась сопровождать своего дѣдушку ни на охоты, ни на карточные вечера у сосѣдей, продолжавшіеся далеко за полночь, ни въ его поѣздкахъ въ Харьковъ для различныхъ закупокъ. Она всецѣло посвящала себя домашнему хозяйству, но часто, среди ея хлопотъ, неожиданные припадки нездоровья заставляли ее впадать въ изнеможеніе. Часто видѣли, какъ она убѣгала изъ кладовой, буфетной, бѣльевой, и ее находили въ ея комнатѣ стоявшею на колѣнахъ и заливавшеюся слезами. На всѣ. разспросы она отвѣчала одно, что любитъ ли ее Верди, или нѣтъ, а ея долгъ остается неизмѣненъ—посвятить себя страждущимъ, просвѣщать не познавшихъ самихъ себя, ухаживать за больными, отдавать себя на служеніе Богу...

— Смотри, Иванъ Веніаминовичъ!—замѣтилъ какъ-то Душковъ Гвоздеву:—здоровье ребенка надламывается отъ горя. Вѣдь дѣвочка можетъ вдругъ... умереть. Я уже замѣтилъ у нея лихорадочное состояніе...

Гвоздевъ, вмѣсто всякаго отвѣта, вышелъ куда-то. Вѣра, прильнувши лбомъ къ оконному стеклу, видѣла, какъ онъ шелъ, хромая, по аллеѣ, перешелъ дорогу, вошелъ въ деревню.

— Куда это онъ?—спрашивала она себя съ безпокойствомъ.

И она спустилась внизъ, чтобы разспросить прислугу, какъ вдругъ увидѣла поспѣшно вошедшую въ домъ жену Голобородка, очень глупую, но добрую старуху.

— А, Вѣра Ивановна,—воскликнула она, предварительно перекре-

стившись на образа.—Богъ знаетъ, что творится у насъ въ избѣ! Баринъ приказалъ намъ всѣмъ выйти, заперъ дверь на засовъ и теперь кричитъ тамъ, стучитъ о полъ... одинъ... съ офицеромъ...

— О чемъ же они говорятъ?..

— Господь ихъ вѣдаетъ!.. Они говорятъ пофранцузски... Быть можетъ, баринъ хочетъ спровадить его отсюда... вѣдь онъ не долюбливаетъ его. А вѣрьте мнѣ, Вѣра Ивановна, этотъ офицеръ очень добрый и очень ученый. У Петра Степановича захромалъ жеребенокъ, такъ французъ покопалъ что-то въ копытѣ, и теперь жеребенокъ бѣгаетъ, какъ вѣтеръ. Вотъ у моего племянника была такая злая кобыла, что всѣ боялись задавать ей кормъ, а теперь, благодаря французу, она стала такой смирной, точно овечка. А какой онъ смѣлый и сильный! Душковъ не даромъ говоритъ, что никогда не видѣлъ болѣе красиваго мужчину, и это правда, я тоже могу сказать это, такъ какъ каждый день перевязывала его рану; прежде всего, у него очень бѣлое тѣло...

— Ты говорила, что онъ очень ученый,—прервала ее Вѣра.

— Да, онъ уже понимаетъ понашему и говоритъ такъ забавно, точно ребенокъ. Онъ цѣлый день сидитъ за книгами, все занимается. Душковъ говоритъ, что французы скорѣе, чѣмъ другіе народы, научаются русскому языку.

— Это правда,—серьезно замѣтила Вѣра и, вдругъ охваченная сомнѣніемъ, заставившимъ ее выстрадать столько, спросила старуху:—Что, онъ говоритъ о возвращеніи къ себѣ на родину?

— Онъ ничего не говоритъ объ этомъ. Да и что ему дѣлать-то у себя на родинѣ? Вѣдь это не христіанская страна?

— Да... Что это ты говоришь такъ странно? Развѣ онъ позволилъ себѣ какое нибудь святотатство?

— Прости его, Господи!—продолжала крестьянка, понизивъ голосъ и крестясь:—вчера онъ принесъ съ охоты голубя и хотѣлъ зажарить его...

— Ну, когда онъ поживетъ среди насъ, то не станетъ дѣлать этого. Такъ ты думаешь, что онъ не скучаетъ по своей родинѣ?

— Днемъ онъ не скучаетъ, но по вечерамъ, Богъ вѣсть, что происходитъ въ его головѣ. Правда, что онъ не совсѣмъ оправился... Вотъ вчера, напримѣръ, онъ сидѣлъ на дворѣ, все смотрѣлъ на господскій домъ и обѣими руками посылалъ сюда воздушные поцѣлуи...

Вѣра вздрогнула: она снова вспомнила о томъ первомъ поцѣлуѣ, который Верди послалъ ей при ихъ встрѣчѣ.

— Обѣими руками?—повторила она весело.—Слава Богу! Значитъ, онъ совершенно выздоровѣлъ!

Въ это время вернулся Гвоздевъ. Замѣтивъ жену Голобородка, онъ нахмурилъ брови и строгимъ голосомъ обратился къ Вѣрѣ:

— Что тебѣ разсказываетъ здѣсь эта дура? — спросилъ онъ.—Вѣрно, вздоръ всякій мелетъ... Пусть-ка лучше убирается къ себѣ...

Оставшись наединѣ съ Вѣрой, онъ сказалъ ей, стараясь придать своему голосу нѣкоторую мягкость:

— Сейчасъ придетъ проститься съ тобою Верди... Онъ долженъ уѣхать.

Молодая дѣвушка поблѣднѣла, но ничего не отвѣтила и вышла изъ комнаты.

XVII.

Черезъ полчаса въ гостиную, въ которой находились Вѣра, Гвоздевъ и Душковъ, былъ введенъ Верди. Душковъ казался какимъ-то взволнованнымъ. Его маленькіе глазки безпрестанно перебѣгали съ Вѣры на Гвоздева и точно умоляли послѣдняго о чемъ-то. Но стоило Гвоздеву взглянуть на него, какъ онъ точно съеживался, уходилъ въ самого себя. Вѣра казалась совершенно спокойной, но въ глубинѣ души чувствовала себя оскорбленной: ее оскорблялъ отъѣздъ Верди. «Значитъ, онъ соскучился здѣсь,—думалось ей,—онъ не любилъ меня: всѣ эти воздушные поцѣлуи, нѣжныя слова оказывались съ его стороны недостойнымъ заигрываніемъ, оскорбительнымъ для меня, для моего чувства... Я идеализировала его, а онъ не что иное, какъ пошлый, бездушный фатъ»... Бѣдная, она не знала въ эти тяжелыя для нея минуты, что Гвоздеву удалось добиться отъ Верди малодушной уступки, обѣщанія лгать, которое онъ долженъ былъ сдержать теперь.

Войдя въ комнату, онъ направился прямо къ Вѣрѣ.

— Я долженъ поблагодарить васъ за то рѣдкое великодушіе, съ которымъ вы пріютили раненаго, — обратился онъ къ ней вѣжливымъ, почтительнымъ тономъ, отъ котораго вѣяло какимъ-то холодомъ, еще болѣе леденившимъ всѣ ея нѣжныя чувства,—вы спасли мнѣ жизнь, и, вѣрьте, я никогда не забуду этого.

Онъ низко поклонился ей.

— Я исполнила лишь то, что намъ предписываютъ заповѣди Христа,—отвѣтила Вѣра, сама удивляясь неискренности и книжности своихъ словъ.

Верди съ удивленіемъ взглянулъ на нее, но тотчасъ же обратился къ Душкову.

— Не знаю, докторъ, какъ и благодарить васъ за то участіе...

— Полноте, полноте, какіе пустяки!—воскликнулъ Душковъ и подошелъ къ Верди.—Вы такой славный... Позвольте, передъ разставаніемъ, обняться съ вами понашему, порусски...

Слова Душкова, очевидно, тронули Верди, и онъ сердечно обнялъ старика, готоваго расплакаться и мелькомъ поглядывавшаго на Вѣру.

Гвоздевъ началъ хмуриться. Онъ замѣтилъ, что Вѣра уже не такъ владѣетъ собою, какъ вначалѣ, и побоялся, что вся затѣянная имъ сцена, сплетенная изъ лжи и лицемѣрія, имѣвшая своею цѣлью убить въ Вѣрѣ всякое расположеніе къ Верди, можетъ при-

нять совершенно нежелательный для него оборотъ отъ малѣйшей вспышки искренняго чувства съ той или другой стороны. Поэтому онъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, на которое особенно долго не соглашался Верди, убѣжденный, въ концѣ концовъ, словами Гвоздева, что при характерѣ и наклонностяхъ Вѣры онъ составитъ несчастье всей ея жизни.

— Ну, поручикъ,—обратился онъ къ Верди особенно громкимъ и отчетливымъ голосомъ,—а я желаю вамъ поскорѣе вернуться во Францію и обнять свою жену и дѣтокъ.

Душковъ и Вѣра точно оцѣпенѣли.

— Дѣдушка путаетъ, — подумала она и ждала, что вотъ сейчасъ Верди разъяснитъ все это несомнѣнное недоразумѣніе.

Какъ ни былъ Верди подготовленъ къ подобному пожеланію, какъ ни готовился отвѣчать на него завѣдомою ложью, онъ не сразу овладѣлъ собою.

— Благодарю васъ...—наконецъ, чуть слышно произнесъ онъ подавленнымъ голосомъ.

— «Такъ это правда... онъ обманывалъ меня»...—пронеслось въ мысляхъ Вѣры. Она хотѣла сказать что-то, крикнуть, но была не въ силахъ сдѣлать это и, какъ подкошенная, упала на коверъ.

Душковъ и Гвоздевъ бросились къ ней. Первымъ движеніемъ Верди было желаніе подойти къ Вѣрѣ, но Гвоздевъ жестомъ остановилъ его.

— Что вы сдѣлали? Зачѣмъ вы говорили это при ней? Вѣдь это можетъ убить ее!—лепеталъ растерявшійся докторъ.

Гвоздевъ низко наклонился надъ внучкой; его руки дрожали; лицо приняло жалкое, но доброе выраженіе.

— Вѣра, Вѣра, другъ мой,—говорилъ онъ.—Прости меня: онъ не женатъ... Я хотѣлъ разлучить васъ, думая, что такъ лучше для васъ обоихъ... Видно, Богъ судилъ иначе... Прости меня... будьте счастливы...

Вѣра широко раскрыла глаза, оглядывая всѣхъ и точно соображая что-то. Вдругъ въ нихъ блеснулъ лучъ неудержимой радости; она порывисто поднялась съ ковра.

— Такъ это все неправда... это былъ сонъ... теперь насъ ничто не разлучитъ... милый!—восторженно говорила она и протянула Верди обѣ руки.

Тотъ молча припалъ къ нимъ.

— Вотъ такъ лучше... такъ лучше...—повторялъ Душковъ, плача и смѣясь одновременно.

Гвоздевъ улыбался, глядя на молодыхъ людей, и точно не зналъ, что сказать, что сдѣлать.

— Эй, Мишка!—крикнулъ онъ наконецъ.—Вина сюда! Да самоваръ поскорѣе! Вѣдь тамъ, во Франціи, они не умѣютъ пить чай...

КОНЕЦЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ІЮЛѢ 1896 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 35-й.

Абутковъ, А. Д., д-ръ мед. О трипперныхъ нитяхъ. Съ 2 фототипическими таблицами микроскопическихъ препаратовъ. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Альбомъ коронаціи ихъ императорскихъ величествъ. Изд. «Русскаго Листка». М. 1896 г. Ц. 3 р.

Артари, А. П. Очерки изъ области знаній о низшихъ организмахъ. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Бари, А. Наставленіе къ уходу за больными на коммерческихъ судахъ. Спб. 1896 г. Ц 60 к.

Бердниковъ, И. «Бракъ, разсматриваемый въ своей природѣ и со стороны формы его заключенія». Ник. Страхова. Харьковъ. 1893 г. Разборъ. Казань. 1896 г. Ц. 20 к.

— Вторая замѣтка по вопросу о раскольническомъ бракѣ. Казань. 1896 г. Ц. 40 к.

Билиловськый, К. А., Складка. Альманахъ на спомынъ Владымыра Степановыча Александрова. Харьківъ. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Боголюбовъ, М., д-ръ мед. Кефиръ. Изд. 3-е. М. 1896 г. Ц. 25 к.

Борщевскій. Горизонтальная льномялка. Ц. 20 к.

Бракенгеймеръ, П. Примѣрный изборникъ произведеній для заучиванія наизусть. Одесса. 1896 г. Ц. 35 к.

Брезе, Максъ. Руководство къ разведенію канареекъ. Переведено Я. О. Калинскимъ, съ 6 рисунками въ текстѣ и 2 таблицами. Спб. 1896 г. Ц. 80 к.

Бриксъ, А. Рѣзаніе металловъ (строганіе). Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Бурже Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Романъ. Одесса. 1896 г. Ц. за 2 т. 50 к.

Вандергеймъ, Ж. Въ походѣ съ Менеликомъ, негусомъ абиссинскимъ (двадцать мѣсяцевъ въ Абиссиніи). Сокращенный пересказъ Л. А. Бичъ-Богуславскаго, съ рисунками въ текстѣ. Одесса. 1896 г. Ц. 40 к.

Варшавскій, Л. М. Банки и банкирскія конторы Россійской империи. Справочная книга для коммерсантовъ. Одесса. 1896 г. Ц. 1 р.

Варшеръ, С. А. Англійскій театръ временъ Шекспира. М. 1896 г. Ц. 25 к.

Васьковскій, Е. В. Учебникъ гражданскаго права, вып. 2-й. Вещное право. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Венгеровъ, С. А. Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. (1708 — 1893). Вып. V. Альбовъ—Амвросій. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

Винбергъ, В. К. Практическое руководство виноградарства и винодѣлія. Съ 140 рисунками въ текстѣ. 3-е изд., исправл. и дополненное. Спб. 1896 г. 2 р. 50 к.

Виттельсгеферъ, П. Винная монополія въ Швейцаріи. Перев. съ нѣмецкаго, акцизнаго контролера Н. Иванова. Томскъ. 1896 г. Ц. 60 к.

Гейнце, Н. Э. Тайна высокаго дома. Романъ изъ сибирской жизни въ 2-хъ частяхъ. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Гулишамбаровъ, Ст., инж.-техн. Итоги торговли и промышленности Россіи въ царствованіе императора Николая I, съ 1825 по 1855 г. Изд. департамента торговли и мануфактуръ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

— Виноградное вино въ Россіи въ XIX столѣтіи. Производство, потребленіе, торговля и таможенные тарифы. Одесса. 1896 г. Ц. 50 к.

Гюго, В. Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей подъ ред. Н. Тхоржевскаго. Тифлисъ. 1896 г. Ц. 3 р.

Дарвинъ, Ч. Автобіографія. Съ портретомъ Дарвина. Изд. М. Филиппова. Спб. 1896 г. Ц. 20 к., на велен. бумагѣ 30 к.

Демковъ. М. И. Исторія русской педагогіи. Ч. I. Древне-русская педагогія. (X—XVII в.). Ревель. 1896 г. Ц. 2 р.

Дерюгинъ, М. Е. Начала механики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ тремя таблицами чертежей. 3-е изд. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Джемсъ, Уилльямъ, проф. Психологія, переводъ съ англ. И. И. Лапшина. Съ приложеніемъ статьи переводчика: «Философское значеніе психологическихъ воззрѣній Джемса». Физіологическій отдѣлъ книги проредактированъ М. Н. Римскимъ-Корсаковымъ, съ 66-ю рисунками и схемами. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Дни священнаго коронованія. Изд. товарищества скоропечатни А. Левенсонъ. Ц. 1 р.

Домикъ Петра Великаго въ Саардамѣ. 1 р. 25 к.

Емельяновъ-Коханскій, А. Н. Месть. Коварная панна. Въ аду. Ночь подъ Ивана Купала. Страшное наказаніе (легенда). Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Жданъ-Пушкинъ, Н. С., д-ръ мед. Краткій учебникъ общей терапіи для врачей и студентовъ. По Цимсену, Эйхвальду и новѣйшимъ источникамъ, примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Записки императорскаго русскаго географическаго общества. Т. VIII, вып. III и IV. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Землевѣдѣніе. Періодическое изданіе географич. отдѣленія императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, подъ ред. Д. Анучина. Книжка II. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Золя, Эмиль. Римъ. Новый романъ. 59 иллюстрацій. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Карачунскій, Л. М. Наши петербургскіе артисты. 300 портретовъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Кастальскій, Д., прот. О Богослуженіи. Изд. 3-е. М. 1896 г. Ц. 35 к.

Кастексъ, Е., д-ръ. Гигіена голоса для пѣнія и рѣчи. Переводъ съ франц. д-ра мед. А. Р. Ильиша. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Клинге, А, Г. Пилюли и лепешки (фармацевтическая библіотека, № 6). М. 1896 г. Ц. 40 к.

— Suppositoria, globuli и новыя лѣкарственныя формы для наружнаго употребленія. Прописи для приготовленія ихъ. М. 1896 г. Ц. 65 к.

Книжный вѣстникъ, № 3, 4, 5. Ц. каждаго нумера 30 к.

Кобеляцкій, А. Уставъ о промышленности фабрично-заводской и ремесленной и пробирный уставъ. Съ дополн. и разъясненіями по 1-е іюня 1896 г. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

— Промышленная, литературная, художественная и музыкальная собственность. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Паровые котлы, керосиновые и газовые двигатели, электрическія установки. Справочная книга для техниковъ по надзору за паровыми котлами, фабрикантовъ и заводчиковъ. Узаконенія, техническія правила и разъясненія, а равно правила о сборѣ съ паровыхъ котловъ въ пользу казны. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Кондратьевъ, И. К. Раскольничьи гнѣзда. (Хлысты. Скопцы. Бѣгуны). Историческій романъ-хроника. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Корольковъ, Н. Сказаніе о преподобномъ Трифонѣ, печенгскомъ чудотворцѣ, просвѣтителѣ лопарей, и объ основанной имъ обители. Спб. 1896 г. Ц. 10 к.

Cosmopolis. Revue internationale, № 7. Ц. 1 р. 50 к.

Крушеванъ, П. Дѣло Артабанова. М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кубасовъ, П., и Андреевскій, Н. Спутникъ машинной прислуги. Руководство по управленію и уходу за паровыми котлами и машинами. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кулибинъ, С., горный инженеръ. Очеркъ исторіи развитія кавказскихъ минеральныхъ водъ (1717—1895). Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Кюнеръ, д-ръ. Гигіена любви. Одесса. 1896 г. Ц. 50 к.

Leland, G. Рѣзьба по дереву. Руководство для любителей. Перев. съ англ. Съ рисун. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Лейкинъ, Н. А. Гдѣ апельсины зрѣютъ. Юмористическое описаніе путешествія супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ по Ривьерѣ и Италіи. 8-е изд. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣсковъ, Н. С. Собраніе сочиненій. Т. XII. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Либерзонъ, Е. А. Лѣченіе экземы горячимъ, текучимъ паромъ. Одесса. 1896 г. Ц. 25 к.

Lolo. Онѣгинъ нашихъ дней. Романъ-фельетонъ въ стихахъ. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Лужецкій, Н., и Эверлингъ, П. Атласъ машинъ-двигателей, машинъ-орудій, мостовъ и зданій. М. 1896 г. Ц. 8 р.

Лунскій, Н. Введеніе въ коммерческую ариѳметику. Сокращенное вычисленіе суммы, разности, произведенія и частнаго. Цѣпное правило. Правило смѣшенія. Одесса. 1896 г. Ц. 50 к.

Майнъ-Ридъ. «Золотой браслетъ». Вождь индѣйцевъ. Романъ. Съ 28 рис. Венета. М. 1896 г. Ц. 40 к.

Мартыновъ, Н. Узаконеніе и усыновленіе дѣтей (законъ 12-го марта 1891 г.), съ разъясненіями и образцами бумагъ. Изд. 2-е, существенно измѣненное и дополненное. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Масловичъ, Н. В. Басни и были. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія, изд. подъ ред. Н. О. Дубровина. (Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 98-й). Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Медвѣдевъ, Л. Въ семьѣ. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. М. 1896 г. Ц. 60 к.

Миропольскій, С. Родныя картины. Избранныя стихотворенія и статьи. Вып. I. Весна. Вып. II. Лѣто. Вып. III. Осень. Спб. 1896 г. Ц. вып. 25 к.

Наказъ министра юстиціи, генералъ-прокурора чинамъ прокурорскаго надзора судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Настольная справочная книга для купцовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, ремесленниковъ и вообще лицъ, занимающихся торговлею и промыслами. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Невѣжинъ, П. М. Жестокая воля. Повѣсть. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Новыя правила о товарныхъ знакахъ. Изд. В. Я. Уманскаго. Одесса. 1896 г. Ц. 30 к.

Общедоступная техническая энциклопедія. Полное описаніе всѣхъ промысловъ и ремеслъ, а также международнаго общенія и міроваго хозяйства. Перев. съ 9-го нѣмецк. изд. Подъ ред. П. Песоцкаго. Въ 10 томахъ. Т. I. Вып. 1-й. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Оссовецкій, И., инж.-техн. Малярное дѣло. Руководство къ экспертизѣ красокъ, малярныхъ матеріаловъ и къ производству разнаго рода малярныхъ работъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Павлова, С. К. Сборникъ подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ и въ школѣ. Въ 2-хъ частяхъ. Съ рисунками и предисловіемъ проф. гигіены Ф. Ф. Эрисмана. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Палибинъ, М. Н. Общій уставъ счетный. 2-е испр. и дополн. изд. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Патенко, Ф., проф. суд. мед. По поводу статьи Ч. пр. Э. Ф. Беллина «Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ, обвиняемыхъ въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ». Харьковъ. 1896 г. Ц. 20 к.

Перелыгинъ, Н. Несовременный герой. М. 1896 г. Ц. 60 к.

Поггенполь, В. А. Результаты фотофенологическихъ наблюденій надъ фазами развитія дикорастущихъ и культурныхъ растеній въ Царицыномъ саду и на поляхъ земледѣльческаго училища въ городѣ Умани, Кіевской губ. Одесса. 1896 г. Ц. 1 р.

Пономаревъ, С. Святые отцы церкви, ихъ жизнь и писанія. Ч. II. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Поповъ, А. Главнѣйшія событія русской исторіи церковной и гражданской. Сборникъ для народнаго и школьнаго чтенія. Т. III. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Поповъ, Н. А. Юзя Чаплинская. Историческій романъ. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

«Православный палестинскій сборникъ». Вып. 47-й. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Путеводитель по Ревелю и его окрестностямъ. Съ 4-мя рис. А. Ширенгеля. Ревель. 1896 г. Ц. 75 к.

Радцигъ, Ант. Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на сельское хозяйство, промышленность и торговлю. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Размаздзе, А. С. Волга. Очеркъ. Кіевъ. 1896 г. Ц. въ папкѣ 5 р. 50 к., въ перепл. 6 р. 50 к.

Риббингъ-Севедъ, проф. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Перев. д-ра Лейненберга. 3-е изд. Одесса. 1896 г. Ц. 50 к.

Риттихъ, П. А. Политико-статистическій очеркъ Персіи (съ картою). Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Роденъ, Эмилія. Взбалмошная головка. Разсказъ. Перев. съ нѣмецк. А. Д. Михайловой. Спб. 1896 г. Ц. 80 к.

Романовичъ, М. Гражданская архитектура. Части зданій. Въ 4 томахъ съ 2,887 чертежами. Т. I. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. по подпискѣ на все сочиненіе—20 р.

Ростовцевъ, С. Какъ составлять гербарій? Краткое руководство къ составленію гербарія моховыхъ, сосудистыхъ тайнобрачныхъ и явнобрачныхъ растеній. Съ 6 рис. въ текстѣ. М. 1896 г. Ц. 15 к.

Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей. Серія вторая, в. II. Пѣснь о Нибелунгахъ. Нѣмецкій народный эпосъ. Переводъ М. И. Кудряшева. Спб. 1896 г. Ц. 45 к.

«Русская музыкальная газета». Іюль. 1896 г. Спб. Ц. 50 к.

Сал'асъ, Е. А., графъ. Собраніе сочиненій. Т. XVII, XVIII и XIX. М. 1896 г. Ц. по 2 р. 50 к., подписка за 20 т. 30 р.

Сапожниковъ, А. Ап. Христіанство и наука. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.

«Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества». Т. 95, 96, 97. Спб. 1895—1896 г. Ц. по 3 р.

— Т. 98-й. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Сборникъ пѣсенъ, исполняемыхъ въ народныхъ концертахъ Дмитрія Александровича Агренева-Славянскаго, собранныхъ въ Россіи и славянскихъ земляхъ Ольгою Христофоровною Агреневою-Славянскою. Съ приложеніемъ портрета О. Х. Агреневой-Славянской и Д. А. Агренева-Славянскаго, факсимиле и его біографіи. М. 1896 г. Ц. 1 р.

«Сельскій Хозяинъ». № 37. Ц. 20 к.

Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога. Съ приложеніемъ карты Сибири. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Сліозбергъ, І. Русскія биржевыя дивидендныя бумаги. Необходимыя свѣдѣнія объ акціяхъ и паяхъ, котируемыхъ на с.-петербургской, московской, варшавской, кіевской рижской и др. фондовыхъ биржахъ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Словцовъ, И. Краткая физическая географія. Курсъ VI класса реальныхъ училищъ. М. 1896 г. Ц. 80 к.

Соколовъ, С. И. Казенная продажа питей. Законоположенія и правительственныя распоряженія по казенной продажѣ питей. Дополненіе 2-е къ «Уставу объ акцизныхъ сборахъ», изд. С. Соколова. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Соколовъ, М. Е. Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи. (Изъ рукописнаго сборника М. Е. Соколова). Петровскъ. 1896 г. Ц. 40 к.

Стивенсонъ, Р. Тайна корабля. Романъ. Съ рисунками Дамблана. М. 1896 г. Ц. 50 к.

Стивенсъ, Т. Вокругъ свѣта на велосипедѣ. Ч. II. Перев. съ англ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Сырку, П. А. Рукописные проложные отрывки въ собраніи Шафарика. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

«Сѣверный вѣстникъ». Іюль. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Таганцевъ, Н. С. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, изд. 1885 г., изд. 9-е, дополн. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Тихановъ, М. Разбитая жизнь. Романъ-быль (изъ современной жизни). Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, Л. Н. Богу или маммонѣ? М. 1896 г. Ц. 5 к.

Триполитовъ, М. Примѣръ пенсіоннаго обезпеченія фабричныхъ рабочихъ. (Вспомогательная касса при экспед. заготовл. Госуд. бумагъ). Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Урусовъ, В. П., князь. Сборникъ цирку-

ляровъ и распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ, относящихся до гг. губернаторовъ, вице-губернаторовъ, совѣтниковъ губернскихъ правленій, канцелярій гг. губернаторовъ, губернскихъ типографій, строительныхъ и врачебныхъ отдѣленій, а также до городскихъ и земскихъ учрежденій съ 1858 по 1896 годъ, 2-е значительно исправленное и дополненное изданіе. М. 1896 г. Ц. 5 р.

Успенскій, Порфирій, епископъ. Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки. Ч. III. Спб. 1896 г. Ц. 5 р.

Уставъ лѣсной (т. VIII, ч. I). Съ Высочайше утвержденными мнѣніями Государственнаго Совѣта, рѣшеніями Правительствующаго Сената, важнѣйшими циркулярами Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и др. приложеніями. Составленъ, по порученію И. о. Оберъ-прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената Сенатора А. Ѳ. Кони, въ канцеляріи сего департамента. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.

Уставъ крестьянскаго поземельнаго банка. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Филипповичъ, В., Козловскій, В., и Чаушанскій, А. Одесса, какъ лѣчебный центръ. Одесса. 1896 г. Ц. 50 к.

Филипповъ, М. М. Философія дѣйствительности, в. II. Спб. 1896 г. Подписная цѣна за 4 выпуска 5 рублей.

Фофановъ, К. М. Стихотворенія, ч. 5-я. Монологи. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Фрикъ, Г. Сѣверо-русская медоносная флора и ея культура. Сборникъ практическихъ указаній для любителей-пчеловодовъ. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Цаппа, Артуръ. Какъ влюбляются молодыя дѣвушки. Этюдъ женской любви, въ двухъ частяхъ. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Циммерманъ, Э. Р. Внизъ по Волгѣ. Путевые очерки. Съ 19 рис. М. 1896 г. Ц. 20к.

Шараповъ, Сергѣй. Среди хозяевъ. Путевыя письма изъ поѣздки по выдающимся хозяйствамъ Средней Россіи. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Шателье-ле. Гремучій газъ. Переводъ горнаго инженера В. Баумана. Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шаховской, Н., князь, Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Швейковскій, полковникъ. Руководство для строевыхъ офицеровъ производящихъ дознанія и отдѣльныя слѣдственныя дѣйствія. Одобрено и рекомендовано Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба и главн. управленіемъ военно-учебн. заведеній. Изд. 3-е, переработанное и значительно дополненное. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Шедивъ, Іосифъ. Руководство для производства и для заказовъ духовыхъ металлическихъ музыкальныхъ инструментовъ, сигнальныхъ пѣхотныхъ рожковъ, сигнальныхъ кавалерійскихъ трубъ, малыхъ и большихъ барабановъ. Съ 90 рис. Одесса, 1896 г. Ц. 6 р.

Шенбергъ, Г. Положеніе труда въ промышленности. Перев. съ нѣмецкаго. М. Соболева. Подъ редакціей проф. А. И. Чупрова. М. 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Шкателовъ, В. В., адъюнктъ-проф. Коньякъ. Производство коньяка во Франціи. Способы приготовленія коньяка и распространившіяся его фальсификаціи. Возможность широкаго развитія этого производства въ Россіи и выгоды его для винодѣльческихъ мѣстностей нашего юга. Публичная лекція. Варшава. 1896 г. Ц. 25 к.

Эсхилъ, Орестія. Трилогія. Вып. 1-й. Агамемнонъ. Трагедія. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая Библіотека А. С. Суворина, № 194). Ц. 20 к.

Юстусъ, В, д-ръ. Болѣзни волосъ и ихъ лѣченіе. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса. 1896 г. Ц. 30 к.

Омская Центральная Пушкинская библиотека
Хр. №
Ш-фп
Омская Губернская Центральная библиотека имени А. С. Пушкина

1p50u